НАДИН МАЙНД

ТАНДЕМ: ВЕДЬМА И ИНЖЕНЕР ПРОТИВ СПЯЩЕГО В КАМНЕ

МОЖНО ТОЛЬКО ПРЕДЛОЖИТЬ КОШМАРУ ЛУЧШИЙ СОН.

Надин Майнд

Тандем: Ведьма и инженер против Спящего в Камне

«Автор»
2026

Майнд Н.

Тандем: Ведьма и инженер против Спящего в Камне / Н. Майнд — «Автор», 2026

«Что если ваш пятилетний брак — это не просто быт, а скрытый механизм по спасению реальности? Психолог, видящая чужие коды, и таксист, читающий линии зданий, — они еще не знают, что город, в котором они живут, лишь чей-то голодный сон».Марго — психолог и популярный блогер, которая разбирает чужие кризисы, но сама прячет свои странные сны о каменной плите под слоем иронии и травяного чая. Ее мир рушится в ту ночь, когда кошмар становится реальностью, а по улицам города начинают ходить безликие «санитары», уводя тех, кто нарушает новые законы тихой, мертвой стабильности.Макс — Инженер с большой буквы. Он видит мир не как все: здания для него — каркасы из силовых линий, а люди — сгустки напряжения. Он водит такси, инстинктивно уворачиваясь от аварий, которые видел за секунды до того, как они случались. Он думал, это просто особенность восприятия. Оказалось — это дар. И проклятье.

© Майнд Н., 2026
© Автор, 2026

Надин Майнд
Тандем: Ведьма и инженер против Спящего в Камне

Тандем: Ведьма и инженер против Спящего в Камне

Краткое описание (аннотация):

«Что если ваш пятилетний брак – это не просто быт, а скрытый механизм по спасению реальности? Психолог, видящая чужие коды, и таксист, читающий линии зданий, – они еще не знают, что город, в котором они живут, лишь чей-то голодный сон».

Марго – психолог и популярный блогер, которая разбирает чужие кризисы, но сама прячет свои странные сны о каменной плите под слоем иронии и травяного чая. Ее мир рушится в ту ночь, когда кошмар становится реальностью, а по улицам города начинают ходить безликие «санитары», уводя тех, кто нарушает новые законы тихой, мертвой стабильности.

Макс – Инженер с большой буквы. Он видит мир не как все: здания для него – каркасы из силовых линий, а люди – сгустки напряжения. Он водит такси, инстинктивно уворачиваясь от аварий, которые видел за секунды до того, как они случались. Он думал, это просто особенность восприятия. Оказалось – это дар. И проклятье.

Их город больше не их. Он – сон. Сон Спящего в Камне, древней сущности, что дремлет в фундаментах. Система тотального контроля, выстроенная амбициозным Лобовым, – лишь паразит на теле этого бога, качающий из него силу. А голодные сны божества пожирают город по кусочкам.

Когда убежать невозможно, а скрываться бесполезно, Марго и Макс понимают: их связь – не просто пять лет быта. Это тандем. Ее дар читать и менять паттерны сознания и его дар видеть и менять структуры реальности – две половинки одного ключа. Ключа, который может не сломать кошмар, а переписать его изнутри.

Им предстоит стать теми, кого они в себе боялись: ей – настоящей ведьмой, способной сплести колыбельную для бога. Ему – Архитектором, способным возвести новые, незыблемые границы в самом сердце хаоса. Их оружие – не ярость, а тончайшая, смертельно опасная терапия. Им нужно заразить сон древней Пустоты вирусом человечности. Вирусом выбора, боли, любви и упрямой воли к жизни.

Но за ними уже охотится Лобов, готовый на все, чтобы сохранить свою власть. А сам Спящий начинает пробуждаться – и его первый голодный вздох может стереть с лица земли не только город, но и саму память о тех, кто осмелился бросить ему вызов.

«Тандем: ведьма и Инженер против Спящего в Камне» – история о том, как самые обычные люди, связанные долгом и любовью, могут выиграть войну, в которой нельзя победить. Можно только предложить кошмару лучший сон. И надеяться, что он примет дар.

Глава 1 Каменная плита

Очнувшись я почувствовала холод и грубость каменной плиты подо мной. Я попыталась встать, но оказалось, что ноги и руки привязаны к плите. Мое сердце забилось еще быстрее и я почувствовала как внутри меня поднимается паника. Попытавшись оглядеться по сторонам, увидела, что я лежу в каком-то не то подвале, не то древнем храме.

Холодно, темно, лишь горит несколько свечей. И страшно до жути.

Надо ли говорить, что я оказалась тут в одной ночнушке прямиком из постели? В мою голову полезли разные мысли. Вдруг меня убьют? Это жертвоприношение? Или меня хотят изнасиловать? Да, что тут, черт возьми, происходит?!

И тут над моей головой раздался голос и я увидела обрывок черного капюшона: «Пробуди свою силу!»

Мозг, отказываясь понимать слова, взвыл сиреной опасности. А потом пришла боль – не извне, а из самых костей, будто их выкручивают из суставов. Моё тело вздыбилось на плите, и из горла вырвался не крик, а хриплый вопль загнанного зверя.

Проснулась я от собственного крика, холода, ужаса и боли в теле. Приснится же такое. Хотя сон казался более чем реальным. Посмотрела на часы, 9.00. Спать уже нет смысла, да и страшно после такого сна. Да, я сова и обычно я встаю в 11.00.

Я села на край кровати, ощупывая запястья. След от веревок – фантомный, но отчетливый. Любой другой на моем месте побежал бы пить валерьянку, но я начала дышать по квадрату: вдох, задержка, выдох. Мозг профессионала включился раньше, чем утихла дрожь в коленях. "Марго, это просто кортизоловый всплеск, – шептала я себе, глядя на дрожащие пальцы. – Плита – это символ ригидности, капюшон – архетип Тени". Но холод камня, казалось, все еще въедался в кожу, и никакой психоанализ не мог объяснить, почему на запястьях остались едва заметные красные следы от несуществующих веревок

Приняв душ, заварив травяной чай и пожарив себе яичницу я села завтракать и анализировать приснившееся.

И тут мой анализ, как обычно, начал разветвляться. Сейчас объясню почему, но для начала давайте познакомимся.

Меня зовут Маргарет, мне 35 лет, я не замужем, детей нет. Есть 4 кота и любимая работа психологом. И да я из тех психологов, которые верят в магию, силу мысли, энергии и прочую эзотерику.

А еще у меня рыжие волосы, зеленые глаза, немного лишнего веса (последние годы были тяжелыми, но об этом позже) и когда я куда-то захожу меня часто даже незнакомые люди называют ведьмой.

Что уж говорить приятно, приятно. Но, поверить в свои способности и силу мне не дает рациональный ум и отсутствие устойчивых результатов.

Да, я катаю заговоренные свечи, рисую мандалы. Даже училась на проводника и целителя божественной энергии. Типа Рейки, но славянская система. В моей жизни много интересных совпадений, но управлять реальностью, двигать предметы, читать чужие мысли и телепортироваться я не умею. (А жаль, хотелось бы, особенно, когда бешеные пробки на дорогах или мороз – 40).

Так вот, вернемся к анализу сна. Моя рациональная часть считала этот сон бредом или ожившей картинкой из тысяч прочитанных книг на тему фэнтези.

Моя эзотерическая часть искренне верила, что этот сон что-то значит. Ведь мне часто снятся вещие сны. И если от меня так настойчиво требую пробудить силу, то зачем и кому это понадобилось? И в чем моя сила?

И если этот сон ничего не значит, то почему я до сих пор чувствую холод и шершавость поверхности плиты, а мое тело ноет от боли, которую я испытывала во сне? Да, да, можно все списать на мышечное перенапряжение или нет?

В общем вопросов больше, чем ответов.

Поразмышляв еще какое-то время, я вымыла за собой посуду, накормила котов и пошла в кабинет готовиться к созвону с клиенткой.

Глава 2 Зелёный свет

Я уже говорила, что я психолог. И я обожаю свою работу. Я из тех психологов, которые отходят от стандартных протоколов и используют новейшие психотехнологии, которые дают быстрый, экологичный и ощутимый результат. И да, с теми кто в теме я применяю методы из эзотерики. Хотя, если подумать, их можно объяснить научным путем.

Первая клиентка пришла с запросом на тему выхода из долгов. О, одна из моих любимых тем. Хотя бы здесь в работе все достаточно просто и понятно. Так уж получилось, что я вижу первопричины проблем клиентов, знаю куда их вести и как помочь. Для меня каждая консультация – это как сбор пазлов, где верная последовательность для меня сияет зеленым светом.

Подключившись по зуму Мария начала рассказывать свою историю:

– Мне 60 лет, я всю жизнь жила для детей. А сейчас дети выросли, и я им как будто бы не нужна. Есть муж, с ним хорошие отношения. И вот я ищу себя и не могу найти. Купила дорогое обучение в кредит по быстрому заработку, но это оказался обман. Потом было еще несколько покупок крупных и все в кредит. И сейчас я вся в долгах и без денег. Переживаю по этому поводу.

Портится мое состояние и когда я в негативе, то клиенты отменяют запись.

– А кем вы работаете? – спросила я.

– Я массажист, более 30 лет в этой сфере, у меня медицинское образование. Дела в принципе шли не плохо. Но мне стыдно брать с людей деньги.

Не буду пересказывать вам весь наш 2х часовой сеанс, отмечу, что это достаточно распространенная ситуация. Чтобы решить вопрос с деньгами и разорвать порочный круг с долгами нам надо определить причину возникновения этих долгов.

В случае с Марией оказалась потеря смысла жизни и ощущение нужности. Ведь пока мы кому-то должны значит в нас нуждаются и есть смысл жить.

Мы сделали несколько техник, нашли новые смыслы и жизнь Марии заиграла перед ней новыми красками. Надо ли говорить, что ей хватило одного сеанса, чтобы значительно поправить свое положение и закрепиться на новом уровне.

Да, могу, умею, практикую. Я действительно хороша в своей работе и бывает, что одной – двух консультаций оказывается достаточно, чтобы вывести человека на новый уровень.

Но, в этом есть и минус. Нужно постоянно искать новых клиентов.

Если бы во всей моей жизни все было бы так просто как на консультациях с клиентами.

Последние пять лет я сама ходила по полю с минами. Папа, болезнь, переезд, предательство… Иногда мне кажется, я выкарабкалась лишь для того, чтобы теперь помогать карабкаться другим.

Поэтому после консультации я снова вернулась мыслями ко сну. Он все никак не давал мне покоя. Будоражил фантазию, пугал, давал надежду.

День пролетел быстро за работой.

Вечером проделав основные рутинные дела типа уборки, приготовления еды и учебы я села почитать перед сном.

И вот пришло время ложиться спать. Я успокоила себя, что дважды один и тот же сон сниться не может. Обняла кота и уснула.

Как же я ошибалась….

Глава 3 Второе предупреждение

Очнулась я опять на той же холодной плите и снова я была привязана. В этот момент мне действительно стало страшно до жути, и я заорала.

Тут же послышался шорох в изголовье, но как бы я ни пыталась повернуться и посмотреть кто там, мне это не удавалось.

Спустя время все тот же капюшон свесился надо мной и властно приказал: «Пробуди свою силу!»

Я почувствовала, как будто меня пронзило током. Мое тело выгнулось дугой, а мышцы горели огнем. Мне было больно, страшно и обидно. Я не могла кричать, лишь беспомощно стиснула зубы.

А затем все прекратилось, и я упала на плиту.

Я проснулась в холодном поту и со сбившимся дыханием. Мое тело горело огнем, а кончики пальцев пульсировали как будто затекли. Время было 3 часа ночи. Засыпать снова я боялась несмотря на навалившуюся свинцовую усталость.

Я заварила себе травяной чай и села думать.

Никогда еще мне не снился один сон дважды, да еще с такой детализацией, что позавидует любая компьютерная игра.

На проделки разума это тоже не похоже. Тогда что это за странный сон? Кто скрывается за капюшоном? Он вообще за добро или зло?

В голову полезли обрывки семейных рассказов, которые я всегда старалась отогнать как суеверия. Прадед, который «шептал на дом», и воры не могли найти выход. Папины руки, от которых у мамы за минуту проходила лютая мигрень. И мамины внезапные, леденящие душу фразы вроде «ну, смотри у меня», после которых в жизни близких почему-то случались мелкие, но болезненные неприятности.

Я всегда списывала это на совпадения. А что, если нет?

Если сила в роду и правда была – то какая? Светлая, как у папы? Или тёмная, колючая, как те мамины уколы? И самое главное – что во мне проснулось сейчас, под налётом психологического образования и веры в силу мысли?

Так, если думать логически, то какие-то корни у этой истории точно есть. Но корни – не инструкция. Они не отвечали на главный вопрос.

Я всегда чувствовала, что во мне есть что-то такое. Но, когда еще не была в личной терапии, у меня скопилось столько боли и обид, злости на мир что я боялась, если дам выход этой силе, то разнесу все вокруг начисто.

А когда прошла курс и стала спокойно смотреть на многие вещи, начала сомневаться в самой силе.

Ведь я уже пробовала и целительством заниматься. И как будто что-то получается, а что-то нет. Кому-то могу помочь, себе не особо. И как это развивать, если нет устойчивого результата?

А главное, я так и не поняла, к кому мне обратиться с этим? Рассказать коллегам-психологам? Посмеются. Маме? Страшно. Максу? Он скажет, что я переработала и мне нужен отпуск. Я осталась одна на один с этой разбуженной во сне тайной.

Допив третью кружку чая, я все-таки сделала попытку лечь спать.
Провалилась в беспокойный сон, но уже без каких-либо картинок.

Утро принесло не ответы, а звонок Макса.
– Привет, как ты? – его голос на том конце был ровным, деловым. – Я сегодня к ночи вернусь, смена заканчивается.
– Хорошо, – ответила я, и тут же поймала себя на мысли, что не хочу рассказывать ему про сны. Не хочу видеть его снисходительно-озабоченный взгляд. – У меня вечером консультация.
– Ну, развлекайся, – он шумно вздохнул. – Тогда увидимся поздно. Не жди к ужину.
Он сбросил трубку. Я осталась сидеть с телефоном в руке, глядя на экран. Его мир был прост: работа, дорога, сон, еда. В нём не было места для повторяющихся кошмаров и болей от несуществующих пыток. А мой мир вдруг дал трещину, и оттуда сквозило чем-то древним и необъяснимым.

День прошёл в попытках вернуться в нормальное русло. Я отвечала на письма, готовилась к вечерней консультации. Клиентка, Алиса, запрос: «Не могу выстроить отношения, всё время что-то не то». Стандартная история. Моё профессиональное «я» уже выстраивало гипотезы и план работы.

Но где-то на задворках сознания, там, где раньше была тишина, теперь стоял настороженный зверёк. Он принюхивался. И ждал. Ждал вечера.

Глава 4 Чужое солнце

Вечер застал меня в кабинете. Я намеренно надела уютный свитер, зажгла не рабочую лампу, а свечу – пыталась создать атмосферу безопасности. Не только для Алисы. Для себя.

Чтобы убить время и отвлечься от странного напряжения, я зашла в **«Тихое Логово»**. Это было наше с девчонками цифровое убежище. Не пафосный клуб саморазвития, а именно логово – место, где можно было без стыда обсуждать вещие сны, странные совпадения или просто выговориться, когда мир «нормальных» людей казался безнадёжно плоским. Там были Юля-флорист, Катя из налоговой, Света-мастер маникюра. И была **Вика**. Не психолог, а что-то вроде нашей тихой хранительницы – женщина за пятьдесят, которая знала про травы, про энергию домов и умела одним метким вопросом поставить всё на места.

Я пролистала ленту. Обсуждали, какие камни брать в дорогу, делились рецептом имбирного чая от хандры. Я хотела написать что-то о своём сне, но пальцы замерли. **«Девчонки, меня второй раз пытают во сне и требуют пробудить силу. Что делать?»** – звучало как билет в психушку даже для них.

Вместо этого я написала туманнее: *«Чувствую себя сегодня как антенна, которую кто-то воткнул в розетку во время грозы. Предчувствие чего-то большого. Боюсь. Как обычно)»*

Первой откликнулась Вика. Её ответ пришёл личным сообщением: *«Антенны не боятся сигнала. Они его принимают. Задача – не сгореть от мощности и не перепутать частоты. Дыши. Смотри. Записывай. Не оценивай».*

Я перечитала её слова несколько раз. «Не оценивай». Легко сказать. Я вся состою из оценок – это моя работа.

Ровно в восемь лицо Алисы появилось на экране. Миловидное, с аккуратной прической и тенью усталости вокруг глаз.

– Здравствуйте, Маргарет, спасибо, что нашли время.

– Здравствуйте, Алиса. Расскажите, с чем пришли.

Она начала. История была, как по учебнику: встречи, разочарования, страх остаться одной, давление социума. Я кивала, задавала уточняющие вопросы, чувствуя, как мое профессиональное «я» входит в привычную колею. Вот и хорошо. Никакой магии, чистая психология. Рациональная часть торжествовала.

– Кажется, все хотят одного – чтобы я была удобной, – сказала Алиса, и в её голосе впервые прозвучала не просто грусть, а искренняя горечь.

И в этот момент всё переменилось.

Это было не как в кино – не голоса в голове, не видения. Это было **как смена атмосферного давления.** Воздух в комнате стал гуще. А в солнечном сплетении – том самом месте, где по поверьям находится центр силы – возникло ощущение. Не моё. **Чужое.**

Оно было тяжёлым, липким, сладковато-горьким. Как комок невыплаканных слёз и не проговорённых обид. И вместе с ним пришло **знание**, которое проскользнуло в сознание не через уши, а будто через кожу: *«Я недостойна ничего хорошего. Я испорчена. Где-то в самом начале».*

Я едва не поперхнулась собственным дыханием. Руки похолодели. Это было настолько ясно, настолько не моё, что не оставалось сомнений – я словила не свою эмоцию. Я поймала **её** эмоцию. Не ту, что она озвучивала, а ту, что сидела глубоко внутри, ядром её боли.

– Алиса, – мой голос прозвучал странно приглушённо. – То чувство «я недостойна» … оно откуда? Не из отношений. Оно старше.

Она замерла. Её глаза на экране расширились. Не от страха. От шока узнавания.

– Я.… – она сглотнула. – Как вы…

Я не дала ей договорить, боясь, что признание сорвёт нас обоих в какую-то бездну, где нет правил.

– Давайте не будем искать слова. Давайте найдём образ. Закройте глаза. Вернитесь не к мужчинам. Вернитесь туда, где вы впервые почувствовали эту… пакость.

Она закрыла глаза, повинуясь интонации в моём голосе, в которой было больше шаманского приказа, чем терапевтического предложения. Я тоже закрыла глаза. И увидела.

Не картинку. **Ощущение.** Жёсткие пальцы, впивающиеся в её детское запястье. Запах табака и чего-то резкого, одеколона. И голос мужчины, не громкий, но прошивающий насквозь: *«Будешь шлюхой. Все такие»*.

Я аж дёрнулась, открыв глаза. По лицу Алисы текли слёзы, хотя она сидела молча.

– Дядя, – выдохнула она, не открывая глаз. – Мне было десять. Я надела мамины туфли и помаду… Он сказал…

Больше она не смогла. Её тело содрогнулось в беззвучных рыданиях.

И тут я совершила, наверное, единственно верное в тот момент действие. Я не полезла с техниками. Не стала анализировать. Я просто сказала, глядя в экран, в её искажённое болью лицо:

– Вы не шлюха. Вы были ребёнком. Он был неправ. Его слова – это его грязь. Они не имеют к вам отношения.

Это были простые, почти примитивные слова. Но они упали не в уши. Они упали **туда**, куда я только что заглянула. В ту самую рану.

Алиса открыла глаза. Они были красными, но в них появилось что-то новое. Не облегчение ещё. **Изнеможение.** Как после долгой операции, когда вырезали наконец застарелый, гноящийся осколок.

– Я.… я никогда никому… – прошептала она.

– Теперь это не ваше бремя, – сказала я, и сама почувствовала, как та липкая, чужая тяжесть в моём солнечном сплетении начала таять, рассеиваться. Ей на смену пришла пустота. И дикая, животная усталость.

Мы закончили сессию. Я осталась одна в тишине, раздавленная. Это был не профессиональный успех. Это было **нарушение всех правил с благими намерениями**. Я снова открыла чат с Викой. Мои пальцы дрожали, но я напечатала правду, как на исповеди:

«Вика, только что на сеансе случилось нечто. Я не поняла – я почувствовала. Не её слова, а её самую глубокую боль. Как будто залезла к ней в душу без спроса. И.… помогла. Но теперь мне страшно. Что это? И как этим не пользоваться, если это работает?»

Ответ пришёл не сразу. Я уже почти решила, что она, как и все нормальные люди, испугалась и сбежала. Но через десять минут пришло голосовое. Её спокойный, низкий голос:

«Марго, дыши. Ты не залезала. Ты – увидела открытую дверь и заглянула. Разница есть. Теперь вопрос не в «как не пользоваться». Вопрос в «как пользоваться, не нарушая воли». Это – следующий уровень. Первое правило: без паники. Второе: записывай ВСЁ, что было ДО, ВО ВРЕМЯ и ПОСЛЕ. Время, твоё состояние, её состояние, триггер. Это теперь твоя научная работа. А я твой неофициальный научрук. Спокойной ночи. Завтра поговорим».

Научная работа. Неофициальный научрук. Эти простые слова, сказанные без тени мистики, подействовали на меня сильнее любых заговоров. Они дали происходящему **форму**. Не «одержимость», а **полевое исследование.** Не «проклятье», а **новый, неисследованный инструмент.**

Я не стала писать Максу, что задерживаюсь. Просто сидела в темноте, слушала, как за окном воет метель, и чувствовала, как внутри меня что-то огромное и неуклюжее, спавшее годами, нехотя перевернулось на другой бок, устроилось поудобнее и.… открыло один глаз.

Глава 5 Немой протокол

Утро после сессии с Алисой нависло тяжёлой плитой. Слова Вики «записывай всё» бились в висках, как команда. Логично. Научно.

Я достала красивый, нетронутый блокнот – подарок. Открыла. Чистая белизна страницы ударила по глазам. И вдруг – ступор. Рука не двигалась. В горле встал ком. ПРЕДАДУТ. Старый, детский страх вылез из темноты: папино лицо, мамин едкий смешок над моими записями. «В смысле ты нами недовольна? Да мы ж всю жизнь на тебя положили!» Бумага с тех пор была врагом.

«Бред!» – прошипела я, но тело не слушалось. Вести дневник было так же невозможно, как перестать дышать. В ярости я швырнула блокнот через комнату. Он шлёпнулся об стену. Предатель.

Что ж, надо найти другой способ исследовать этот дар.

Взгляд упал на экран. Иконка «Ассистент». Безликий алгоритм. Идеальный инструмент для той, кто боится живых глаз.

Я рванулась к клавиатуре. Не писала – вываливала данные горстью.

«Консультация с Алисой. Триггер – её фраза про «удобную». Ощутила чужую боль в солнечном сплетении. Получила обрывки: боль в запястье, запах табака, фразу «будешь шлюхой», лицо мужчины с усами. Она подтвердила – дядя, 10 лет. Моё состояние после – вина, истощение, тремор. Что это? Эмпатия на стероидах или начало психоза?»

Отправила. Дышать стало чуть легче. Просто от того, что выбросила это из себя в цифровую пустоту.

Ответ пришёл почти сразу. Сухой, пунктирный:
«Модели: 1. Гипертрофированная эмпатия + сенсорный симулятор. 2. Непроизвольное «угадывание» паттерна. 3. Паранормальная модель не опровергнута. Рекомендация: продолжать сбор данных в этом формате. Ввести параметры (частота, интенсивность). Разработать этическое правило (не вербализировать непроверенную информацию).»

Я прочла – и мир встал на свои, пусть и шаткие, места. Хаос превратился в список рабочих гипотез. Ужас – в пункт «сбор данных». Я была не сумасшедшей. Я была исследователем в собственной проклятой лаборатории.

Я скинула ответ Вике: «Дневник не пошёл. Вместо него – так. Считается?»
Её ответ прилетел мгновенно: «Считается. Ибо работает. Ты ищешь систему даже в магии. Это твой путь. Дыши.»

Я закрыла ноутбук. Тишина в квартире стала другой – не давящей, а наполненной. Наполненной новыми правилами, новым протоколом.

Подойдя к окну, я увидела, что снег заметает вчерашние следы. Стирает.

«Ладно, – прошептала я тому, что теперь тихо сидело внутри, приоткрыв один глаз. – Начинаем наблюдение. Протокол ведётся.»

И впервые за двое суток я почувствовала не только страх, но и холодный, острый интерес. Как у хирурга перед первым разрезом.

Глава 6 Контрольный образец

Две недели «сбора данных» превратились в странную рутину. Я фиксировала вспышки в чате с Ассистентом, но это было похоже на разговор с глухой стеной. Он выдавал диагнозы: «гиперчувствительность блуждающего нерва», «мигрень без головной боли». Скука. Я начала думать, что всё это – грандиозная ипохондрия. Пока это не вошло в мою квартиру.

Бегемот, мой черный увалень, замер посреди комнаты. Шерсть на хребте встала дыбом. Он смотрел в пустой угол, туда, где стена встречалась с потолком. Зрачки – желтые блюдца. И звук – не шипение, а низкое, горловое урчание первобытной ненависти.

И тогда я увидела. Не глазами. Это был слой, наброшенный поверх реальности, как плёнка. В углу клубилась тень. Не просто темнота. Плотная, маслянистая, с едва уловимым фиолетовым отливом. От неё исходило одно: холодное, безразличное любопытство. Как будто огромное насекомое рассматривало нас сквозь стекло.

Я замерла. Леденящий страх сковал горло. Протокол, наблюдения, записи – всё испарилось. Остался только древний, животный ужас перед тем, что не должно существовать.

Тень шевельнулась. Изменила конфигурацию, будто повернулась. И холод сменился на мгновенное, точечное внимание. Оно ударило в меня, как игла в центр лба.

Бегемот взвыл и рванулся под диван. Этот звук выдернул меня из ступора.

Инстинкт кричал: «Беги!» Но что-то другое, новое и твёрдое, встало на его пути. Защитить. Это мой дом. Моё логово.

Я не стала брать телефон. Я даже не подумала о диктофоне. Я резко поднялась, встав между существом и диваном, под которым дрожал кот.

– Уходи, – прошипела я, и голос мой прозвучал хрипло и чуждо. – Ты здесь незваный гость.

Никакого щита я не представляла. Я просто натянула всё своё существо – весь страх, всю ярость, всё «нет» – в непроходимую стену воли. Не визуализировала. Приказала пространству: «ЗАКРЫТО».

Тень замерла. Давление во лбу ослабло. Она не исчезла. Она будто прислушалась, оценивая этот новый, резкий сигнал. И затем – медленно, нехотя – стала рассеиваться. Не раство-

рилась, а как бы отступила вглубь самой стены, в другое измерение. Через несколько секунд в углу была просто тень от цветка.

Я стояла, тяжело дыша, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Страх не ушёл. Он превратился в другое – в напряжённую, звенящую готовность. Как у солдата после первого выстрела в его сторону.

Первым делом я не к Ассистенту. Я, всё ещё дрожа, взяла телефон и позвонила Алле, своей подруге из «Тихого Логова», единственной, кто не испугался бы таких историй.

– Алла, ты не поверишь, что только что было, – мой голос срывался. Я выпалила всё: кота, тень, холод, свою команду. – Я не сошла с ума? Скажи, что я не сошла с ума.

Алла выслушала молча. Потом тихо свистнула.

– Блин, Марго. Похоже на классику. Неприкаянный дух, подселенец, астральный глист… как ни назови. Но кот видел – это ключевое. Значит, не галлюцинация. Ты его… прогнала?

– Кажется, да.

– Прогнала волевым усилием, – подчеркнула она. – Это круче всех твоих записей в ИИ. Ты не просто увидела. Ты взаимодействовала. И победила. Теперь ты знаешь, что это не только в голове. И что ты можешь на это влиять.

После её слов мир встал на место. Не на старое, привычное. На новое. Где в углах могут прятаться сущности, а у меня есть сила их выгонять.

Я поблагодарила её и села за ноутбук. Теперь, когда первичный шок прошёл, включился аналитик. Я открыла чат с Ассистентом. Не для того, чтобы спросить «что это было». А чтобы зафиксировать факт.

«Событие: прямое визуально-энергетическое восприятие нечеловеческой сущности в домашней обстановке. Подтверждено реакцией домашнего животного. Мои действия: вербальная команда и волевое вытеснение. Результат: отступление объекта. Вывод: феномен имеет объективную составляющую и поддаётся влиянию. Гипотеза: восприятие расширилось на небиологические формы сознания. Запрос: не требуется.»

Я отправила. Ответа ждать не стала. Он был уже не важен.

Я подошла к дивану, опустилась на колени. Бегемот нехотя выполз, уткнулся мокрым носом мне в руку. Я гладила его дрожащую спину.

– Всё, дружище, – прошептала я. – Теперь мы знаем. Мы не одни в этой квартире.

И посмотрела на тот самый угол. Не со страхом. С бдительностью. И с новым, жёстким пониманием.

Вилка в розетке, стул у стола, тень в углу – всё это теперь было частью моего ландшафта. Но тень, в отличие от стула, чувствовала. И я научилась с ней разговаривать. На языке силы.

Научный протокол был детской игрой. Сейчас началась полевая практика. И учебником к ней служила только моя собственная воля и инстинкт. Всё, что у меня было.

И, как ни странно, этого пока что хватало.

Глава 7 Божественное руководство

Тот вечер с тенью в углу оставил после себя не страх, а тихую, боевую готовность. Я поговорила с квартирой, почистила ее с помощью свечи и благовоний – мысленно провела черту: «Моё. Чужим – вход закрыт». Бегемот, ходил за мной по пятам, будто признавая нового союзника.

Но настоящая инициация пришла во сне.

Я не понимала, сплю я или нет. Это был другой мир, но такой же плотный, тактильный. Мы с Максом приехали в деревню к маме, заехав с переулка в конец огорода. Странно: вокруг у всех только весенняя зелень, а на наших двух грядках уже висели сочные огурцы и краснели помидоры. Я собрала урожай для салата, почувствовала сухость земли и пошла за шлангом. Макс копошился у машины.

И тут вышла мама. Увидела его, и её лицо исказилось знакомым выражением: «Ага, так вы всё-таки вместе, тихушники». В реальности мы давно поддерживали легенду о расставании. Я повернулась к Максу: «Дошутился. Хотел к маме – получай». Он лишь пару дней шутил, что надо бы заехать, хотя мы не виделись с ней четыре года.

Я полила грядки, собрала урожай, и мы пошли в дом.

В доме был папа. И брат. Брат копошился в моём старом мессенджере. «Я им всё равно не пользуюсь, так что ничего ценного ты там не найдёшь», – равнодушно бросила я. Положила на стол огурцы, помидоры и невесть откуда взявшуюся малину.

Папа подозвал меня. Я села рядом. Он выглядел… подсохшим. На плече виднелись странные шрамы, которых раньше не было.

– Сейчас я покажу тебе видео, которое тебе надо посмотреть, – сказал он тихо. Он достал не телефон, а распечатку экрана на бумаге. И начал нажимать на нарисованные кнопки. И – о чудо – картинка на бумаге менялась, ссылки открывались. Это было невозможное и совершенно естественное одновременно.

Потом он взял мои руки в свои. Не произнёс ни слова. Он просто взглянул. Его взгляд, всегда пронзительный, стал каналом. И через него пошёл поток. Не энергии в эзотерическом смысле. Чистого, безличного, божественного исцеления.

Меня вывернуло наизнанку. Я зарыдала. Не от горя – от очищения. От того, что какая-то древняя, въевшаяся в кость грязь растворялась, смывалась этим потоком. Он провёл процесс до конца, не спеша. Потом отпустил мои руки.

– Тебе надо ходить, расправив плечи, – сказал он. Его голос звучал прямо у меня в черепе. – Как раньше, когда танцевала.

Мы сидели молча. Тут подошла мама – но не та, что на огороде, а другая. Стройная, с длинными чёрными волосами, красивая. Папа, не глядя на неё, бросил:

– Уйди, тёмная.

Он говорил не о ней лично. О тёмной энергии, что вилась вокруг.

– Пап, откуда ты умеешь так… целить? – спросила я, всё ещё чувствуя в груди эхо очищения.

– Там, где я был, чего я только не перепробовал, чтобы исцелиться от своей болезни, – ответил он просто. – А ты откуда знаешь про этот метод?

– Я училась ему. Специально. После того как ты умер.

Он кивнул, и в его глазах мелькнула гордость.

– Только этот метод и работает.

Он обнял меня. И в этом объятии было всё: прощение, передача, благословение.

– Теперь всё будет хорошо, – сказал он.

И тут звонок выдернул меня, как крючком.

Я открыла глаза в своей спальне. Сознание металось между мирами. Голова кружилась так, что я схватилась за край кровати. Где я? В доме родителей? В своей квартире? На столе лежали огурцы? Нет. На столе лежал телефон, который и звонил.

Я сбросила вызов. Секунды три просто дышала, позволяя реальности зацепиться за знакомые очертания: шкаф, окно, силуэт кота на комоде.

Сердце колотилось, выбивая ритм из двух миров. Я провела рукой по лицу – оно было мокрым от слёз, но не от горя. От катарсиса. Такого же вселенского, как тогда, наяву, когда я стояла у его гроба и не могла поверить, что этот сильный, молчаливый человек, умевший одним взглядом унять мою детскую истерику, больше никогда не обнимет меня.

Папа умер четыре года назад от рака поджелудочной. Это была чёрная, стремительная полоса. От диагноза до конца – меньше года. Он угас на глазах, и моя тогдашняя жизнь разломилась пополам: до и после. Я продала студию танцев, вернулась в родной город, была рядом. Но в последние недели он был уже не там, в мучительной нирване морфия. Его пронзительный взгляд потух.

А теперь во сне он смотрел на меня снова – тем самым, живым, острым взглядом. И исцелял. Тем самым методом, которому я научилась после его смерти, отчаянно пытаясь найти способ справиться с болью утраты и чувством вины. Я искала хоть какую-то магию, чтобы вернуть его. А нашла – чтобы принять его дар.

Во рту стоял вкус малины. Его не было. Но он был.

Я подошла к зеркалу. Лицо было опухшим, но глаза… Глаза были его глазами. Глубокими, зелеными, видящими насквозь. Мне всегда говорили, что у меня пронизывающий взгляд. «Как у отца», – добавляли те, кто его знал. Однажды знакомая, поссорившись со мной, сказала: «Ты можешь взглядом делать людям хорошо или нет. Будь осторожна со своей силой». Я тогда отмахнулась. А сейчас смотрела в своё отражение и знала. Это не метафора. Это – инструмент. Наследственный. Тот самый, что он использовал, чтобы унять мою мигрень в детстве, просто положив на лоб ладонь и пристально глядя на меня. И тот самый, что он только что, во сне, настроил на частоту «божественного исцеления».

Отец не дал мне новую силу. Он вернул и очистил мою собственную. Отсеяв всё лишнее – страхи, сомнения, «тёмную» энергию, что цеплялась к роду от матери. Он показал суть: «Только этот метод и работает».

Спальню наполнил запах кофе. Макс вернулся с ночного рейса раньше срока. Я вышла на кухню. Он сидел, сгорбившись, с синяками под глазами. От него тянуло серой, липкой волной раздражения и поражения. Раньше я бы впитала это, начала бы утешать, гасить.

Сейчас я просто посмотрела на него. Не своим старым взглядом психолога или обиженной женщины. А тем взглядом. Пронзительным, видящим. Я увидела не его злость. Увидела его боль. Узкую колею долга, усталости, страха всё потерять. И его глухую, неосознанную ярость на мир, который заставил его в этой колее бежать.

Когда он был дома, я ловила себя на том, что неосознанно сканирую его. Ждала тех самых «сигналов». Но от него исходило только знакомое, плотное поле сдержанной силы – не волнение, а напряжённый, железный покой, как у тигра в клетке. И под ним – глубокая, замороженная усталость. Он никогда не жаловался. Просто иногда, глядя в окно, говорил что-то вроде: «Интересно, какая ветка вероятности сейчас активнее – та, где я сворачиваю на МКАД, или та, где еду через центр?». Раньше я думала, это просто метафора. Теперь я слышала в этом точный вопрос оператора, который видит развилку, но не позволяет себе свернуть.

«Ты не ровня», – сказал отец во сне про Макса. Я думала, он имел в виду, что Макс слабее. А теперь понимала – возможно, он имел в виду другую шкалу измерений. Макс не слабый. Он – запертый. Его бизнес рухнул не потому, что он плохой стратег. Его кинули «партнёры», чью ложь он, по его же признанию, «чуял кожей», но заглушил интуицию ради выгоды. С тех пор он в долгах, как в капкане. Он в такси не потому, что не может. Он там, чтобы быстро закрыть дыры, остаться на плаву и освободить ресурс для нового рывка. Он альфа, загнанная в угол. И его главная стратегия сейчас – не показывать клыки, чтобы не спугнуть добычу (деньги, стабильность). И его раздражение на мои «странности» – это паника тюремщика, который видит, как его сокамерник начинает пилить решётку. Он боится, что наша и так шаткая лодка не выдержит бурю настоящего пробуждения.

– Всё, – сказал он без предисловий, его голос был низким и ровным, как сталь. – Петля затянулась. Эти ублюдки только что слились. Полгода работы в минус.

Я молча поставила перед ним чашку крепчайшего кофе. Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к точке на столе, но я знала – он просчитывает варианты. Все пятьдесят три ветки, и на каждой – тупик.

– Макс, – начала я осторожно. – А если… не отыгрывать их правила? Создать новое поле?

Он медленно поднял на меня глаза. В них не было насмешки. Был холодный, аналитический интерес.

– Новое поле строится на ресурсе. У меня его нет. Только долги и эта конура, – он кивнул на квартиру. – Твои сеансы – капля. Хорошая, но капля. Чтобы вырваться, нужен рывок. А рывок – это риск. Я не могу рисковать, когда за мной тянется шлейф обязательств. Это не стратегия. Это самоубийство.

Он говорил не как обиженный мужчина. Как полководец, оценивающий безнадёжную карту. И в его словах была жёсткая, неоспоримая правда его мира.

– А если ресурс… не деньги? – тихо спросила я. – Если ресурс – это то, что у нас начинает просыпаться? Видение. Знание. Тот самый «канал», о котором мы раньше только рассуждали.

Он откинулся на спинку стула, глядя меня. Его взгляд стал тем самым, пронзающим который видел суть вещей.

– Дар – это роскошь для свободных, Марго. Для тех, у кого есть плацдарм. У меня его нет. Моя «настройка», как ты её называешь… она включается в экстриме. На дороге, когда нужно выбрать полосу за секунду до аварии. В переговорах, когда я чую ложь на вкус. Она – инструмент выживания в джунглях, а не строительства храмов. А ты… ты начинаешь строить храм в джунглях. Это привлекает хищников. В том числе тех, что поопаснее людей.

Он видел. Он всё понимал. И он боялся не за себя. Он боялся за нас, за эту хрупкую конструкцию под названием «наша общая жизнь», которую он из последних сил удерживал от коллапса. Его критика была не осуждением. Это была оценка рисков от главного по безопасности нашего крошечного тонущего островка.

Я не стала спорить. Я увидела в нём не врага моему пробуждению, а его самого строгого и компетентного охранника. И чтобы пройти дальше, мне нужно было не сломать его защиту, а получить доступ

Он допил кофе и побрёл в душ. Я осталась у окна. В груди звучала новая частота. Чистая, камертонная. И в её звучании не было места для страха, что он не поймёт. Была только ясность.

Я взяла телефон. Написала Алле: «Был сон. Отец провёл мне божественное исцеление и настроил инструмент.»

Ответ пришёл почти сразу: «Про настройку – рассказывай всё.»

Я убрала телефон. В соседней комнате шумела вода.

А я стояла, расправив плечи, как велел отец. Чувствуя в ладонях эхо его рук, а во взгляде – новую, тихую мощь.

Я знала метод. Я видела разлом. Оставалось сделать только одно – начать жить в своей реальности. Несмотря ни на что.

Глава 8 Точка сборки

Напряжение после того разговора не рассосалось. Оно кристаллизовалось в тяжёлое, молчаливое перемирие. Он ушёл в ночную смену. Я знала – он не просто возит людей. Он сканирует город, ищет в паутине улиц ту самую «активную ветку».

А утром он вернулся рано. Бледный. Не от усталости – от шока. В руках он сжимал ключи.

– Садись, – сказал он. Голосом, в котором дрожала сталь. – Тебе надо это видеть.

Он включил запись с регистратора. Ночная трасса. Всё спокойно. И вдруг его рука резко бьёт по рулю. Машина рыскает, перестраивается. В тот же миг с встречной полосы вылетает чёрный джип. Его выбрасывает, он крутится и на полной скорости врезается точно в то место, где мы только что были.

Тишина в машине на записи. Только его тяжёлое дыхание.

Потом его голос, спокойный до неестественности: «Всё в порядке. Не паникуйте. Это просто авария, мы её объедем».

Он остановил запись.

– Я его не видел, – отчеканил он. – Я увидел пустоту. Чёрную, бездонную дыру прямо на нашей полосе, секунд через пять в будущем. Как будто плёнку реальности в этом месте вырезали. И знал – если въедем в неё, нас не будет.

Леденящий холод пополз по спине. Это было прямое видение вероятности. Самой смертоносной.

– Ты всегда так видишь дыры?

– Вижу помехи, – поправил он. – Искажения в поле. Это была первая дыра. Настолько явная, что игнорировать было нельзя.

Он встал, прошёлся по комнате. Его мощная фигура была наполнена холодной яростью осознания.

– Всю жизнь я это глушил, – сказал он, не глядя на меня. – Считал сбоем. Потом, когда бизнес рухнул из-за того, что я проигнорировал такой же «сбой» на переговорах… начал изучать. Энергетику, ауры, теорию полей. Читал, пока ты спала. Чтобы понять, как эта чёртова «настройка» работает и как её отключить. Потому что она мешает жить в этом, – он резко махнул рукой, – в этом проклятом, материальном мире, где правят долги.

Он повернулся ко мне. Его взгляд был открытым впервые за годы.

– А теперь выходит, что её нельзя отключить. Только… настроить. И использовать. Иначе следующая «дыра» окажется у нашего порога.

В его словах было принятие. Солдата, который признал, что у него в руках новейший бластер, и теперь надо срочно учиться им пользоваться.

Я подошла к нему. Чтобы встать рядом.

– Значит, обсуждения окончены. Лаборатория переходит в режим полевых испытаний. У нас есть два прибора с разной калибровкой. Ты видишь поломки в реальности. Я чувствую эмоциональный фон и сущностей. Вместе мы – полная диагностическая система.

Он кивнул, глядя на меня с новой, оценивающей остротой.

– Теория слаба. Нужна практика. Нужен тестовый полигон. Не город. Он слишком шумный.

– Он у нас есть, – сказала я, и мысль оформилась в тот же миг. – Но не мои клиенты. Этика. Я не могу их показывать. Их процессы – священны и конфиденциальны.

Он не стал спорить. Кивнул, уважая границу.

– Тогда кто? – спросил он. – Добровольцы? Испытуемые?

– Мы, – сказала я просто. – И то, что нас окружает. Начнём с простого. Синхронизация. Ты описываешь своё видение пространства, людей на улице – без имён, просто как объекты. Я

описываю свои ощущения. Сверяем данные. Ищем общий язык. А потом… потом посмотрим, какие задачи подкинет жизнь. Они не заставят себя ждать.

Уголок его рта дрогнул в намёке на улыбку. Азартной.

– Отлично. Первое задание: синхронизация. – Он посмотрел в окно, на просыпающийся двор. – Видишь мужчину у подъезда, в сером пуховике? Ждёт кого-то. Что твои данные?

Я присмотрелась, позволив себе почувствовать.

– Нетерпение. Лёгкая тревога. Как будто боится опоздать или его подведут.

Макс сузил глаза, его взгляд стал отсутствующим, острым.

– Мои данные: вокруг него поле неровное, рваное. Особенно со спины. Как будто кто-то… или что-то – тянет из него нити. Не сейчас. Постоянно. Он истощён, даже не физически. Энергетически. «Дыра» не в будущем. Она у него за спиной, и он тащит её за собой, как хвост.

Мурашки побежали по коже. Его описание было не психологическим. Оно было структурным. И оно идеально ложилось на моё ощущение хронической тревоги и истощения.

– Сходится, – тихо сказала я. – Мы видим одно и то же с разных сторон. Твоё «рваное поле» – это моё «истощение и тревога».

Он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь – не ярости, а интеллектуального голода, который я не видела с времён, когда он строил свой бизнес.

– Тогда начинаем, – сказал он. – Составляем глоссарий. Мои термины – твои термины. Пока не научимся переводить без потерь.

Глава 9 Общий код

Неделя прошла в интенсивной, почти военной учёбе. Мы выработали протокол. «Совместные вылазки» – прогулки, кафе, поездки – превратились в полевые исследования. Он описывал «архитектуру» энергетических полей незнакомцев, я угадывала их эмоциональное состояние. Точность росла. Мы начинали говорить на одном языке – языке феноменологии дара.

Но настоящий тест пришёл не с улицы.

Ко мне записалась Алёна, новая клиентка. На первой сессии всё было в рамках нормы: тревожность, проблемы на работе. Но к концу встречи у меня осталось стойкое, физическое ощущение липкого холода, которое не рассеялось и через час после её ухода. Как будто в комнате остался шлейф чего-то чужеродного.

Вечером, за ужином, я поделилась с Максом – без имён, без деталей сессии, только чистым ощущением.

– Похоже на «прицеп», – мгновенно отреагировал он, отложив вилку. Его взгляд стал сосредоточенным, оперативным. – Не её собственная эмоция. Внешняя сущность низкого порядка, которая питается страхом. Ты говоришь, она тревожная?

– Да.

– Идеальная кормушка. Такие «прицепы» видны как сгустки мутной, тяжёлой энергии, обычно сзади, в районе плеч или затылка. Они искажают поле, создают те самые «рваные края». Если она придёт ещё… и если ты разрешишь непрямое наблюдение…

Он имел в виду: он будет в соседней комнате, не видя и не слыша её, пытаясь считать «помехи» через стену. Это было на грани, но не переходило черту конфиденциальности. Это был эксперимент.

– Хорошо, – согласилась я. – Но только если ты опишешь чисто структурные параметры. Никаких интерпретаций её личности или проблем.

На следующую сессию Алёна пришла подавленной. Её тревога выросла. В середине разговора я на секунду вышла из комнаты под предлогом за водой. Макс стоял в коридоре, спиной к двери, с закрытыми глазами, его лицо было каменной маской концентрации.

– Сильный сгусток, – тихо, не открывая глаз, сказал он. – Тёмно-серый, с зеленоватыми прожилками. Висит на левом плече, пульсирует. Когда она говорит о страхе – он увеличивается. Поле вокруг неё не рваное – оно прогнутое, как если бы её давил невидимый груз.

Это было поразительно. Его описание структурного повреждения идеально соответствовало моему ощущению «липкого холода» и её клинической картине – ощущению тяжести, давления.

Вернувшись в комнату, я, не нарушая этики, мягко сместила фокус. Не «прорабатывая страх», а задавая вопросы о ощущениях в теле, особенно в левом плече и спине. Алёна, удивлённо, подтвердила: хроническая зажатость, «будто камень на плече». Я провела с ней простую технику визуализации света и тепла, направленного на это место. На уровне психологии – работа с психосоматикой. На нашем новом языке – точечная чистка.

Когда она ушла, я вышла к Максу.

– Сгусток уменьшился в размерах на треть, – сразу сказал он. – Стал менее плотным. Поле выпрямилось, но не до конца. Осталась «вмятина».

Мы стояли молча, глядя друг на друга. Это сработало. Наш тандем сработал. Не нарушая правил, мы провели операцию по удалению паразита, о существовании которого обычная психология даже не подозревает.

– Так… – протянул Макс, и в его голосе прозвучало глубокое, почти философское уважение. – Значит, это и есть новая реальность. Не «или/или». А «и». Психология и видение. Диагноз и чистка. Твой этический кодекс – не помеха. Это система безопасности. Чтобы мы, имея такие инструменты, не превратились в тех самых «хищников».

Я подошла и обняла его. Он обнял в ответ – крепко, по-деловому, но в этом объятии была вся грандиозность момента. Мы только что незаметно для мира совершили маленькое чудо. И поняли, что можем совершать их и дальше. Вместе.

– Что дальше, капитан? – спросила я, уткнувшись лицом в его плечо.

– Дальше, штурман, – он отстранился, и в его глазах горел тот самый, забытый огонь созидателя, – мы составляем карту. Карту новых, тонких угроз. И ищем способ не только чистить последствия, но и укреплять иммунитет. У людей. И у себя. Потому что если мы видим это всё, то рано или поздно на нас обратят внимание те, кто посильнее «прицепов».

Его слова не испугали. Они заземлили магию в стратегию. Мы были больше не влюблёнными в кризисе. Мы были экипажем. И наш корабль, наконец-то, плыл не по течению долгов и страхов, а по курсу, который мы прокладывали сами – в неизведанные, опасные и бесконечно интересные воды новой реальности.

Глава 10 Новая оптика

Синхронизация с Максом была подобна настройке двух сложных приборов на одну волну. Но чтобы стать мастером, мне нужен был мой собственный, глубокий опыт. Я погрузилась в учёбу с такой же одержимостью, с какой когда-то штудировала учебники по психологии.

Это уже не было эзотерическим любопытством. Это было профессиональное развитие. Я изучала системы видения ауры не по сомнительным сайтам, а по трудам тех, кто подходил к этому как к науке о тонких телах. Практиковала «расфокусировку» зрения до головной боли. Разбирала техники работы с потоком Живы – не как с магией, а как с управляемым биоэнергетическим ресурсом, который можно направлять с намерением.

Макс стал моим жёстким, но бесценным тренером. «Не гадай, что я чувствую, – говорил он. – Считай структуру. Цвет, плотность, движение. Эмоция придёт сама, как диагноз после анализа крови». Он научил меня видеть систему, а не симптом.

И постепенно картина мира стала объёмной. Люди перестали быть просто фигурами с проблемами. Они стали… ландшафтами. Одни – ровными, светящимися полями. Другие – изрытыми оврагами старых травм, с тёмными, застойными болотами на месте былых обид. Я училась различать «своё» и «чужое» в этих полях: чёрные, липкие сгустки «прицепов», серые, тяжёлые пятна непрожитой боли, ярко-красные всполохи острой злости.

И вот настал день, когда это перестало быть «упражнением». На сеансе с Ириной (постоянная клиентка, выгорание, боли в спине) я, как обычно, слушала её. А сама видела. Над её левым плечом висел тот самый серо-зелёный сгусток, похожий на гниющую губку. От него в её ауру уходили тонкие, тёмные щупальца, одно из которых проникало прямо в область поясницы – источник её хронической боли.

Раньше я бы работала с психосоматикой через разговор. Теперь я знала, что нужно чистить.

– Ирина, давайте попробуем немного другой подход, – сказала я спокойно. – Закройте глаза. Представьте тёплый, золотой свет, который входит в макушку и течёт вниз, к спине. Я помогу.

Я сама закрыла глаза. Вошла в состояние глубокого, сфокусированного покоя. Нащупала внутри себя тот самый поток Живы – не мистический, а очень конкретный, похожий на вибрацию в ладонях. И мысленно, с чётким намерением, направила его не «вообще в спину», а точно в то место, где тёмное щупальце впивалось в её поле.

Я не произносила заклинаний. Я совершала информационно-энергетическую операцию. Светлым потоком – скальпелем, тёмное образование – мишенью.

Ирина вздохнула. Сначала глубже. Потом – с облегчением.

– Ой… тепло пошло. И как будто что-то… отпустило.

Я открыла глаза. Сгусток на моём внутреннем экране стал меньше, распадаясь на частицы. Его щупальце отступило. Я не вылечила её спину за сеанс. Но я убрала энергетиче-

скую причину хронического напряжения, которое не давало телу исцелиться. Теперь обычные упражнения и терапия смогут работать в разы эффективнее.

Но самые поразительные открытия касались не «полей», а времени. Работая с клиентами в глубоких состояниях, когда они визуализировали свой страх или желание, я вдруг начала видеть их картинки. Не догадываться. Видеть. Словно мой внутренний экран подключался к их внутреннему кинотеатру.

А однажды с Марьяной, которая страдала от невыносимого конфликта с начальником, случилось нечто иное. В пик её отчаяния, когда она говорила «я не знаю, как это пережить», перед моим внутренним взором вспыхнул образ. Не её образ. Мой. Чёткий, как фотография: она и её начальник сидят за столом переговоров, не сражаются, а обсуждают график. На столе – календарь. Даты были размыты, но я знала – это три месяца в будущем. И знала – это развязка. Не тупик.

Я не стала говорить ей «всё решится». Это было бы неэтично и ненаучно. Но это знание позволило мне работать с ней совершенно иначе. Я сместила фокус с «борьбы с монстром» на подготовку к важным переговорам, на укрепление её позиции, на выстраивание стратегии. Я вела её не сквозь туннель отчаяния, а по ясной, пусть и долгой, дороге к конкретной цели, в реальность которой я сама поверила.

И когда ровно через три месяца мне пришло её сообщение: «Маргарет, вы не поверите. Сегодня был разговор с шефом. Мы нашли общий язык. Война закончилась. Как будто вы это знали…» – я просто улыбнулась.

Я не предсказала будущее. Я увидела наиболее вероятную, уже созревшую ветку её реальности. И помогла ей в неё попасть.

Вечером я поделилась этим с Максом. Он выслушал, задумчиво попивая чай.

– Временная перцепция, – сказал он своим обычным, аналитическим тоном. – Логично. Если наше восприятие пробило барьер материального плана, почему ему останавливаться перед барьером линейного времени? Вопрос в точности и в цене. Что ты чувствовала после такого… просмотра?

– Опустошение. Как будто потратила не энергию, а само время.

– Значит, ресурс ограничен, – заключил он. – Значит, нужно вырабатывать протокол. Не для всех клиентов. Только для критических случаев. И только с твоей полной энергетической подпиткой до и после.

Так из волшебства рождалась методология. Из дара – ответственная практика.

Я смотрела в окно на весенний дождь. Моя работа больше не была просто работой. Она стала творчеством на стыке миров. Каждая сессия – это теперь и психотерапия, и энергокоррекция, и иногда – навигация по лабиринтам времени. Это было страшно. Это было невероятно сложно. Но это было честно. По-настоящему честно.

Я больше не притворялась, что помогаю только словами. Я помогала всем, чем была. И понимала, что это только начало. Что где-то там, за границей моей кабинки в Zoom, лежат настоящие чудеса и настоящие опасности. И что у меня теперь есть не только дар, чтобы их

видеть, но и партнёр, который поможет с ними справиться. И протокол, чтобы не сгореть. И этика, чтобы не навредить.

Это и было моим новым миром. И я, наконец, чувствовала себя в нём не гостьей, а хозяйкой.

Глава 11: Первый заказ

Покоя не было. Осознание своих сил было похоже на то, как если бы мы с Максом, прожив всю жизнь в маленькой комнате, вдруг обнаружили, что стены – это экраны, а за ними – бесконечная, шумящая вселенная. Мы тренировались, сверяли «показания», и с каждым днём реальность вокруг становилась всё более прозрачной, а значит – и более хрупкой, требующей осторожности.

Вызов пришёл не ко мне. Пришёл к Максу. Позвонил ему напрямую, через третьи руки. Голос в трубке был спокойным, дорогим, как полированный гранит.

– Максим? Говорит Лобов. Мне сказали, у вас есть… специфическое чутьё. На проблемы. Мне нужна консультация. Обсудим условия встречи?

Макс, стоя у окна, слушал, его лицо было каменным. Он договорился о встрече в нейтральном месте – дорогой кофейне в центре – и сбросил. Повернулся ко мне.

– Лобов. Застройщик. «Северный квартал», «Лучистый». Пару лет назад он был на слуху. Потом как-то стих. Сейчас, говорят, пытается раскрутить новый проект – экопоселение под городом. И у него всё горит. Стройки, контракты, люди.

– И что, он хочет, чтобы ты стал его личным предсказателем аварий? – спросила я.

– Хочет, чтобы я «прошёлся» по объектам. Оценил «атмосферу». – Макс усмехнулся беззвучно. – Оценка – десять тысяч в день. За неделю работы я закрываю треть самого большого долга.

Цифра повисла в воздухе. Не просто деньги. Это был ключ из той железной клетки, в которой он задыхался последние годы. Освобождение. Возможность дышать полной грудью и строить что-то новое уже не из последних сил, а с размаха.

– А что ты чувствуешь от самого звонка? – спросила я, уже включая своё восприятие. От Макса шла сложная смесь: азарт охотника, холодный расчёт и… глубокая, знакомая настороженность.

– Он… чистый, – медленно сказал Макс, подбирая слова. – Слишком чистый. В его голосе не было ни капли волнения, сомнения, жадности. Как у хирурга перед плановой операцией. Он не просил. Он констатировал необходимость встречи. И знал моё имя. Не «тот парень из такси», а именно Максим.

– Значит, он уже провёл свою разведку, – заключила я. – Погнали.

Мы поехали вместе. В кофейне он был один. Артём Лобов. Мужчина лет пятидесяти, дорогой, но не кричащий костюм, взгляд спокойный, изучающий. Он пожал Максу руку, кивнул мне, приняв за ассистентку или подругу. Мы сели.

Пока Макс вёл переговоры – обсуждал график, объекты, – я смотрела. Расфокусировала зрение, позволила картине наложиться.

И обомлела.

Вокруг Лобова не было привычного энергетического поля. Был кокон. Ровный, плотный, искусственный, серебристо-стального цвета. Как скафандр. И сквозь эту идеальную оболочку просвечивало… ничего. Пустота. Не тьма, а именно пустота. Как будто внутри этого дорогого костюма и ухоженного тела не было человека. Была хорошо отлаженная функция.

Но самое страшное было не это. На его идеальном «скафандре», в области затылка и вдоль позвоночника, были присоски. Не энергетические сгустки. Чёткие, тёмно-багровые структуры, похожие на пиявок или щупальца каких-то глубоководных существ. Они пульсировали, втягивая что-то извне. И они были не ошибкой системы, а её частью. Органами питания.

Я незаметно тронула ногой Макса под столом. Он, не прерывая разговора, коснулся своего виска – наш знак «вижу неладное».

– Вопрос, Артём Викторович, – сказал Макс, откинувшись на спинку стула. – Почему я? Есть же специалисты по фэн-шую, экстрасенсы. У них и реклама лучше.

Лобов чуть улыбнулся.

– Те – шарлатаны. Или… недостаточно сильные. Мне нужен практик. Тот, кто видит поломки в системе. Не рассуждает о карме, а находит слабое звено. Мне сказали, вы именно такой. Вы с женой, – он кивнул в мою сторону, и в его пустых глазах мелькнула искра чего-то похожего на интерес, – недавно помогли одной даме с… хронической проблемой. Без лишнего шума. Мне нравится этот подход.

Нас вычислили. Не по IP в Zoom. По энергетическому следу. Кто-то из «Тихого Логова»? Или тот самый «прицеп», которого мы сняли с Алёны, был чьим-то шпионом?

– Мы консультируем по вопросам психосоматики и экологии пространства, – чётко сказала я, вступая в разговор. – Наша работа строго конфиденциальна. Кто ваш информатор?

Лобов посмотрел на меня, и его взгляд на секунду перестал быть пустым. В нём вспыхнул холодный, аналитический интерес, тот самый, что был у Макса в лучшие времена.

– Информационные потоки в городе… они тоже часть экосистемы, не так ли? Я плачу за результат, а не за вопросы. И гарантирую полную конфиденциальность с нашей стороны. Деньги – наличными, предоплата.

Он положил на стол толстый конверт. Даже не пытаясь его вручить. Просто положил, как ставку в покере.

Макс посмотрел на конверт, потом на меня. В его глазах шла борьба. Десять тысяч в день. Предоплата. Шанс вырваться. И… человек-функция в энергетическом скафандре с паразитами-органами.

– Нам нужно обсудить этот вопрос, – сказал Макс, вставая. – Мы дадим ответ завтра.

Лобов кивнул, как будто, так и знал.
– Жду звонка до девяти утра.

Мы вышли на улицу. Весенний воздух был свеж и ядовит.
– Что это было? – тихо спросил Макс.
– Это не клиент, – сказала я, всё ещё чувствуя на языке привкус той самой пустоты. – Это интерфейс. Кто-то или что-то использует его как перчатку, чтобы нащупать нас. И эти «пиявки» … они не высасывают из него силу. Они кормят его. Чистой, отфильтрованной энергией. Возможно, той самой, что сливают его провальные проекты и увольняющиеся сотрудники.

– Значит, если мы придём «чинить» его систему, мы полезем прямо в пасть к тому, кто за ним стоит, – резюмировал Макс.
– Именно. Это не работа. Это западня. Или… проверка.

Мы поехали не домой. Мы поехали к Алле. Она жила в старом кирпичном доме на окраине, и её квартира пахла травами, воском и спокойствием. Мы вывалили на неё всю историю.

Алла слушала, заваривая пуэр. Её лицо было серьёзным.
– Лобова я не знаю. Но «кокон» и «пиявки-органы» … это звучит как договор. Не кармический, а сознательный, силовой. Он не жертва. Он контрактор. Продал часть своей… человечности, что ли, за успех и защиту. А теперь его «патрону» понадобились новые инструменты. Или новые источники пищи. Вы для него – как два диковинных, но очень точных скальпеля. Он хочет вас в свою аптечку.

– Что делать? – спросила я.
– Если вы откажете – он найдёт других. Слабых. Сломает их. И станет сильнее. Если согласитесь – попадёте в его систему. Выйти будет сложно, – Алла налила нам чаю. Тёмная, почти чёрная жидкость пахла землёй и дымом. – Но есть третий путь.

Мы замерли.
– Вы берёте заказ. Но на ваших условиях. Вы не «чините» его систему. Вы проводите диагностику и выдаёте заключение. Всё, что увидите. Всю правду. А потом смотрите на его реакцию. Если он человек – испугается, задумается. Если он интерфейс… он либо попытается вас нейтрализовать, либо передаст своему «патрону». И тогда вы узнаете, с чем имеете дело на самом деле. А мы, – она кивнула куда-то в сторону, будто на невидимый круг, – будем на подхвате. У меня есть пара знакомых, которые умеют ставить… буферные зоны. Чтобы вас не отследили по энергии сразу.

Это была уже не частная практика. Это была операция. Наш первый выход в поле не как целителей, а как разведчиков в чужой, враждебной территории.

Макс посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Горел тот самый, забытый огонь – не просто азарт, а воля к стратегии. Он снова был полководцем, а не загнанным зверем.
– Берём, – сказал он. – Но по нашему сценарию. И с тылом.

Алла улыбнулась, и в её улыбке было что-то древнее и твёрдое.

– Добро пожаловать в большую лигу, дети. Завтра в девять вы звоните Лобову. А я пока созвонюсь с кое-кем… Нам понадобится соляной анкер и, возможно, зеркальный экран.

Мы вышли в весеннюю ночь. Город вокруг был прежним – с фонарями, машинами, людьми. Но теперь я знала, что под этой обыденностью течёт другая жизнь. И мы только что получили в ней свою первую, очень опасную роль.

Макс взял меня за руку. Его ладонь была тёплой и твёрдой.

– Страшно? – спросил он.

– Да, – честно ответила я. – Но впервые за долгое время… интересно.

– Точно, – он усмехнулся. – Похоже, наш «тихий отпуск» закончился. Пора работать.

Мы пошли к машине, в тёмное весеннее небо, под которым уже зрели не только почки на деревьях, но и тени каких-то новых, больших игр. И мы были в них больше не наблюдателями.

Мы были игроками.

Глава 12: Диагностика

Утро перед выездом на первый объект Лобова было наполнено не нервами, а протокольной собранностью. Мы с Максом работали как экипаж перед вылетом.

Алла и её «кое-кто» – пожилой, молчаливый мужчина по имени Геннадий Степанович, бывший геофизик – снарядили нас не амулетами, а инструментами. Геннадий Степанович, не глядя в глаза, вручил нам два гладких, тёплых на ощупь чёрных камня – гальки, заряженных, как он выразился, «обратной полярностью для статического шума».

– Держите в карманах. Не экранируют, но смазывают ваш собственный след для внешнего наблюдателя. На шесть-восемь часов хватит.

Алла дала чёткий инструктаж:

– Вы – диагносты. Только сбор данных. Никаких чисток, никаких вмешательств. Макс фиксирует структурные аномалии, Маргарет – эмоциональный и сущностный фон. Сверяетесь мысленно, записываете на диктофон в машине сразу после. Не обсуждаете при нём и его людях ничего, кроме технических деталей объекта. Ваша задача – выяснить, что порождает проблемы, и насколько сам Лобов является частью системы, а не её заложником.

Лобов прислал за нами машину – чёрный, непыльный внедорожник. Водитель – такой же «чистый» и молчаливый, как его хозяин. Мы ехали в пригород, на территорию будущего «экопоселения «Рассвет». Макс смотрел в окно, его взгляд был острым, отсутствующим. Я знала – он уже сканирует местность, ищет «разрывы».

– Участок впереди справа, – тихо сказал он, не отрываясь от стекла. – Поле будто просевшее. Как над старым подземным коллектором.

Объект представлял собой огромное поле, огороженное забором. По плану – первые коттеджи, подъездная дорога. Пока – грязная степь, несколько одиноких строительных вагончиков и буровая установка. В воздухе висела тишина, неестественная для такого масштаба. Не было ни звука техники, ни голосов рабочих.

Лобов ждал нас у своего «Мерседеса». Он был один.

– Начнём с геологии, – сказал он без приветствий. – Бурят скважину для водозабора. Не идёт. То инструмент ломается, то грунт плывёт. Инженеры разводят руками.

Мы пошли к буровой. Я сразу почувствовала тяжесть. Не эмоциональную. Физическую. Воздух здесь был гуще, словно мы шли по дну невидимого озера. Макс шёл чуть впереди, его плечи были напряжены.

– Здесь, – сказал он, остановившись в десяти метрах от установки. – Не просто просадка. Разлом. Не в грунте. В самом поле реальности. Края рваные, волокнистые. И из него тянет… холодом. Не температуры. Отсутствия.

Я закрыла глаза, позволив себе почувствовать. И «увидела» то же самое, но в своих категориях. Это была не дыра, куда что-то уходит. Это была рана. На теле места. Старая, гниющая, излучающая боль и забвение. И вокруг этой раны, как мухи, крутились десятки мелких, тёмных энергетических сгустков – простые «прицепы», но их было неестественно много.

– На этом месте что-то было? – спросила я, открыв глаза. – Не в плане геологии. Исторически. Что-то важное. Или… трагическое.

Лобов медленно повернул ко мне голову. Его пустой взгляд на секунду сфокусировался.

– По документам – пустошь. Согласно местным байкам… здесь лет тридцать назад был большой колодец. В него упала и утонула девочка. Колодец потом засыпали.

Мурашки побежали по спине. Непрожитое горе, запертое в земле. Не «призрак», а гештальт-растение, проросшее в энергетический пласт и отравляющее всё вокруг. И буровая пыталась вскрыть его, как нарыв.

– Проблема не в грунте, – чётко сказал Макс, глядя не на Лобова, а на ту точку в пространстве, где висел разлом. – Проблема в точке входа. Вы пытаетесь воткнуть трубу в незажившую рану. Она будет отторгать любое вторжение. И привлекать… падальщиков. – Он кивнул в сторону тех тёмных сгустков, которых Лобов, конечно, не видел.

Лобов молчал секунду, две.

– Лечение? – спросил он на том же деловом, лишённом эмоций тоне.

– Не наше решение, – я вступила, следуя протоколу. – Это требует отдельного, ритуального подхода. Очищения памяти места. Без этого любое строительство будет саботироваться на фундаментальном уровне.

Мы обошли ещё два участка. Картина повторялась в вариациях. Не «проклятия», а энергетические долгострои, заброшенные циклы, призраки неудачных решений, вросшие в землю. И везде – эти стаи «падальщиков», питающихся низкочастотными излучениями страха, разочарования, обмана.

Лобов слушал наши сухие отчёты («зона геопатогенного стресса», «резонанс с непроработанными событиями») и кивал. Он записывал что-то в планшет. Ни удивления, ни сомнения. Только фиксацию данных.

На обратном пути в городе, в машине, мы молчали. Только когда остались одни в нашей квартире, с горячим чаем в руках выдохнули.

– Он не человек, – сказал Макс, устало потирая переносицу. – Он… менеджер. Менеджер по эксплуатации аномалий. Он не испугался, не удивился. Он получил от нас техническую спецификацию проблемы. Как будто мы обсудили не горе утонувшей девочки, а брак в бетоне.

– Он и есть часть системы, – добавила я. – Эти «пиявки» на нём… они не просто кормят его. Они, кажется, фильтруют для него реальность. Оставляя только данные, параметры, эффективность. Он видит мир как инженерный проект, где страдание – это досадная погрешность, а мы – новый тип измерительного прибора.

Мы включили диктофон и наговорили полный отчёт для Аллы. Макс зарисовал схему разлома, как он его видел.

Позже вечером позвонила Алла.

– Гена говорит, ваши «камушки» вернулись тёплыми, почти горячими. Значит, фон был мощный, но вас не засекли. Молодцы. А теперь слушайте. Лобов только что связался с одним… очень старым букинистом в городе. Спрашивал про ритуалы замирения земли, дохристианские. Не просто заинтересовался. Ищет исполнителя. Значит, ваши данные он принял к сведению. И, похоже, собирается не хоронить проект, а… оптимизировать проблему. Убрать «брак» более радикальными средствами.

– То есть, он пойдёт не к психологу или священнику, а к какому-нибудь… тёмному практику? – уточнила я, и в груди похолодело.

– Вполне. Чтобы не лечить рану, а прижечь её калёным железом и строить поверх. Такие «оптимизации» имеют свойство выходить из-под контроля. И порождать не призраков девочек, а кое-что пострашнее.

Мы положили трубки. В квартире снова повисла тишина, но теперь она была иной. Мы не просто выполнили заказ. Мы вбросили информацию в сложную, нечеловеческую систему. И теперь эта система начала шевелиться.

Макс посмотрел на меня.

– Мы его предупредили. Дали диагноз и рецепт. Если он выберет яд вместо лекарства… это будет уже его сознательный выбор.

– И наша ответственность, – тихо добавила я. – Потому что мы знаем. И потому что у нас есть инструменты, чтобы помешать, если «прижигание» пойдёт не по плану.

Он кивнул. В его глазах не было сомнений. Была та же оперативная ясность, что и утром.

– Тогда готовимся к фазе два. Наблюдение и, возможно, контрдействие. Алла и Гена нам помогут с отслеживанием. А нам надо научиться ставить не только диагноз, но и… энергетический карантин.

Впервые наша «лаборатория» готовилась не к исследованию, а к возможному конфликту. И я понимала, что это лишь первая ласточка. Лобов был не боссом. Он был менеджером среднего звена в чьей-то огромной, тёмной корпорации. И наша точная диагностика, возможно, только что подняла нас в списке приоритетов этой корпорации.

С одной стороны – интересно. С другой – очень, очень холодно. Я потянулась за чаем. Он уже остыл. Как и ощущение простого любопытства от нового дара. Впереди была работа. Настоящая, тяжёлая и опасная.

Глава 13: Теневой контракт

Три дня мы жили в режиме ожидания и подготовки. «Тихое Логово» работало как нервная сеть. Алла координировала, Геннадий Степанович, наш молчаливый геофизик, собирал странные данные: локальные колебания магнитного поля в районе стройки, всплески инфразвука, фиксируемые его самодельными приборами. Все косвенные признаки говорили об одном: что-то происходило.

Лобов молчал. Предоплату не требовал обратно. Это было самым тревожным знаком.

На четвёртый день вечером позвонила Алла, её голос был сдержанно-деловым, но в нём звенела сталь.

– Нашёл. Исполнителя. Не нашего круга. Приезжий. Зовут Семён. Родом из мест, где старые традиции… смешались с тюремными понятиями. Берется решать «проблемные вопросы» земли и бизнеса. Работает не с духами, а с силой приказа. Ломает, подавляет, запечатывает волю места. Лобов встречался с ним сегодня днём в закрытом клубе. Гена уловил всплеск – не энергетический, а волевой. Как хлопок бича.

– Они будут «работать» на месте? – спросил Макс, стоя рядом со мной так близко, что чувствовалось напряжение его тела.

– Ночью. Скорее всего, сегодня. К полуночи. Надо ехать.

Это был момент истины. Наш протокол «только наблюдение» трещал по швам. Что мы будем делать, став свидетелями не чистки, а насилия над местом? Можно ли было это допустить?

– Едем, – сказал я, прежде чем страх успел оформиться в логичные доводы. – Как наблюдатели. Но… с возможностью вмешаться, если…

– Если они порвут ткань реальности так, что это аукнется не только на стройке, – закончил Макс. – Говорила же – наша ответственность. Алла, вы с Геной будете на связи?

– Будем. И приготовили вам кое-что на случай, если придётся… создать диверсию. Зеркальный экран. Принцип обратной связи. Если этот Семён запустит подавляющий импульс, экран частично отразит его обратно на источник. Не остановит, но собьёт прицел. Привезём к точке.

Мы выехали затемно. Всё было похоже на военную операцию. Макс вёл машину тёмными переулками, его интуитивно-логическое «видение дорог» работало на полную, выбирая маршруты с наименьшей вероятностью встреч. В карманах у нас лежали новые «камушки» от Гены – на этот раз прохладные, поглощающие не след, а побочные эманации страха.

Мы оставили машину в километре от стройки и пошли полем. Ночь была безлунной, холодной. Вдали маячили огни города, а здесь, на этом проклятом поле, царила глухая, давящая тишина.

Спрятались за брошенным вагончиком в двухстах метрах от буровой. Алла и Гена были где-то, с другой стороны, на связи через простые рации с глушилкой помех.

Они приехали ровно в полночь. Два чёрных внедорожника. Из первого вышел Лобов, из второго – двое крепких, не говорящих ни слова мужчин и… Семён.

Его было видно сразу, даже в темноте. Невысокий, плотный, одетый в тёмную практичную одежду. От него не шло свечение или тьма. От него шла тишина. Зона подавления всего вокруг. Даже ночные звуки – стрекот кузнечиков, шорох ветра – стихали в его присутствии. Он нёс в руках не свечи и камни, а небольшой, похожий на кейс, жёсткий чемоданчик.

Мы с Максом переглянулись. Это был не колдун. Это был специалист. Опасный, узкопрофильный специалист по насильственному решению проблем.

Лобов что-то сказал, показав на буровую. Семён кивнул, не глядя на него. Его спутники стали раскидывать по периметру какие-то небольшие треноги с призмами на вершине – не для ритуалов, а для создания замкнутого контура. Они огораживали зону работы.

– Вижу контур, – прошептал Макс, прищурившись. – Активный. Не для защиты от внешнего. Для концентрации и направления удара внутрь. Они собираются не изгнать боль этого места. Они собираются её спрессовать, замуровать в самой точке разлома.

У меня сжалось сердце. Это было хуже, чем «прижигание». Это было создание энергетической мины замедленного действия. Запертое, спрессованное страдание однажды рванёт с утроенной силой.

Семён открыл кейс. Внутри лежали не инструменты, а странные предметы: несколько заострённых металлических стержней, катушка толстой проволоки, похожей на нихром, и небольшой прибор, напоминающий разрядник. Он начал методично, с инженерной точностью, вбивать стержни в землю по определённой схеме вокруг буровой, натягивая между ними проволоку.

– Это не магия, – сдавленно прошептал я. – Это… энергетическая хирургия. Грубая, варварская. Он создаёт каркас для короткого замыкания.

– И использует боль места как топливо, – добавил Макс. – После такого «запечатывания» здесь нельзя будет не только строить. Здесь нельзя будет жить. Это станет мёртвой зоной на поколения вперёд.

Семён закончил монтаж. Он встал в центр схемы, положил руки на прибор. От него пошла вибрация – не звуковая, а та самая, что давила на солнечное сплетение. Воздух зарядился статикой. Вокруг треног вспыхнуло тусклое, багровое свечение.

Это был момент. Сейчас он запустит процесс.

– Алла, сейчас! – прошептал я в рацию.

– Держитесь, – прозвучал в ответ спокойный голос Геннадия Степановича.

С дальнего края поля, из темноты, в сторону конструкции Семёна взмыл и разбился о невидимый барьер контура небольшой предмет. Камень? Нет. Это было зеркало. Старинное,

в бронзовой оправе. В момент удара оно не разлетелось вдребезги. Оно зависло в воздухе и на секунду вспыхнуло ослепительно-серебристым светом.

Свет ударил в багровое поле треног. Произошло то, что Гена называл «обратной связью». Багровая сеть дёрнулась, как живая, и часть энергии рванула не в землю, а обратно, к Семёну.

Он не закричал. Он отшатнулся, будто от удара током. Его прибор на мгновение вспыхнул и потух. Барьер треног померк. Схема дала сбой.

Лобов, наблюдавший со стороны, сделал шаг вперёд. Его лицо в свете фар было каменным.

– Помеха, – донёсся до нас его ровный голос. – Устранить.

Его двое людей рванулись в темноту, в сторону, откуда прилетело зеркало. Началась охота.

– Надо отвлекать! – прошептал Макс. – Помоги Алле и Гене уйти.

– Как?!

Он уже поднимался. Не для геройской атаки. Для точного, осмысленного действия. Он взял в руку один из наших «камушков», на секунду сконцентрировался, и швырнул его не в людей, а в одну из треног, чей барьер ослаб.

Камень ударил в металл с сухим щелчком. И в этот момент Макс сфокусировал свой взгляд-приказ на этой точке: «ВСПЫШКА».

Тренога, на которую была направлена его воля и остаточный заряд чужеродной энергии, вспыхнула коротким, ослепительным белым светом, как магниевая вспышка.

Люди Лобова, бегущие в темноту, замерли, ослеплённые. Семён резко обернулся на этот новый источник помехи. Его внимание переключилось.

Этой секунды хватило. Из темноты с противоположной стороны донесся тихий звук завода мотора – старенькая «Лада» Аллы и Гены скрылась в ночи.

Мы поползли назад, к своей машине, стараясь не издавать ни звука. Сердце колотилось как бешеное. Мы не вступили в бой. Мы совершили диверсию. Сорвали ритуал. Вызвали гнев опасных людей.

В машине, уже выезжая на трассу, Макс выдохнул:

– Всё. С этого момента мы для них не диагносты. Мы – враги.

– Они попробуют снова? – спросила я, глядя в тёмное окно.

– Попробуют. Но теперь они знают, что у места есть… защитники. Пусть и анонимные. И следующий их шаг будет не против места. Он будет против нас. Надо найти их раньше.

В его голосе не было страха. Было холодное, ясное принятие правил игры. Игра вступила в новую фазу. Фазу активного противостояния.

А на заднем сиденье, там, где лежал второй «камушек», исчезнувший при вспышке, теперь лежала только горстка тёплого пепла. Цена нашего первого контрдействия. И предвестник более высокой цены, которую, возможно, придётся заплатить в будущем.

Глава 14: Голос из глубины

Три дня мы жили как в осаде. Не выходили без нужды. Окна были зашторены даже днём. Алла и Гена были в безопасности на «дальней даче» у знакомых. «Тихое Логово» затихло, перейдя на зашифрованные каналы. Лобов молчал, но его молчание было громче любой угрозы. Мы сорвали сделку, в которую он, вероятно, вложил немалые деньги и репутацию. Ответ последует. Вопрос был – какой и когда.

На четвертый день тишину нарушил не Лобов. Нарушил интернет. Вернее, моё почтовое облако, куда я складывала зашифрованные записи сеансов и наблюдений. На рассвете пришло уведомление о попытке несанкционированного доступа. Попытка была отбита, но исходила она не от рядовых хакеров. Трассировка вела в глухой цифровой тупик, но стиль атаки – точный, безжалостный, нацеленный на конкретный файл с пометкой «Лобов_Объект_1» – говорил сам за себя.

Они искали нас в цифровом следе. Неудивительно. Наш следующий шаг был логичен: найти о них информацию, пока они искали нас. Но Лобов был стерилен. Ни судимостей, ни скандалов, только сухая история успеха и внезапный спад. Настоящая информация лежала глубже.

– Нужен специалист не по энергии, а по информационным потокам, – сказал Макс, уставившись в экран ноутбука. – Кто-то, кто видит связи между людьми, деньгами, неудачами. Не ауры, а паутину.

Этим специалистом оказалась Юля. Та самая Юля из «Тихого Логова», тихая девушка-архивариус в муниципальном архиве, о которой Алла как-то обмолвилась: «Она чувствует правду в бумагах. Говорит, документы шепчут». Мы связались с ней через тройную шифровку. Встретиться она согласилась только в людном месте – в читальном зале новой городской библиотеки.

Юля оказалась хрупкой блондинкой в очках, которая выглядела младше своих лет. Но её серые глаза за стёклами линз были старыми и внимательными. Мы сидели за глухим угловым столом, заваленным фолиантами по истории края.

– Лобов, Артём Викторович, – прошептала она, не глядя на нас, водя пальцем по воображаемой карте на столе. – Его имя всплывает не в делах о банкротствах. В делах о перепродаже прав. Прав на залоговые участки, на недострои, на компании-однодневки. Он всегда приходил после того, как у первоначальных владельцев начинались… проблемы. Неудачи. Болезни. Разлады в семье.

Она подняла на нас глаза.

– Он не строитель. Он санитар. Приходит на место, где система уже дала сбой, и выжимает из остатков максимум. А потом продаёт очищенный, но уже мёртвый актив. И ваш «Рассвет» – его первая попытка не прийти на готовое, а самому создать аварию, чтобы потом её «исправить» и взять всё. Только на этот раз авария… не совсем материальная.

Ледяная логика пазла складывалась. Лобов не был жертвой или одержимым. Он был предпринимателем нового типа. Его бизнес – эксплуатация энергетических и социальных катастроф. А Семён – его инструмент для их провокации. Мы не просто помешали ритуалу. Мы вмешались в бизнес-процесс.

– У него должны быть связи, – тихо сказал Макс. – Кто его «инвесторы»? Кто покупает эти «очищенные» активы?

Юля пожала плечами.

– Следы обрываются на офшорах. Но есть одна ниточка… Всякий раз, когда Лобов заканчивал сделку, в городе на короткое время появлялся Игнат. Игнат Валерьевич Колыванов. Антиквар. Собиратель редких книг. Ничего криминального. Просто… совпадение.

Игнат Колыванов. Это имя всплывало и в разговоре с Аллой – «старый букинист», к которому Лобов обращался за информацией о ритуалах. Не просто источник. Посредник? Или контролёр?

Мы поблагодарили Юлю. Она кивнула и растворилась между стеллажами, как тень.

– Значит, наш следующий шаг – антикварная лавка, – сказал я, когда мы вышли на улицу.

– Не мы, – поправил Макс. – Я. Ты слишком… заметная. А я – просто мужик, который, возможно, ищет старую карту или инструмент. Ты будешь на связи, снаружи, как страхующий.

Лавка Колыванова «Грань мира» находилась в старом центре, в полуподвале ампирного особняка. Макс зашёл внутрь. Я осталась в сквере напротив, притворяясь, что читаю книгу, а на самом деле держа на ладони один из «камушков» Гены, настроенный как примитивный индикатор – он должен был нагреться при сильном энергетическом фоне.

Прошло двадцать минут. Камень оставался прохладным. Потом дверь лавки открылась, и вышел Макс. Один. Его лицо было задумчивым, не встревоженным.

– Ну? – спросила я, подходя.

– Странно, – сказал он. – Старик. Умные глаза. Знает про Лобова. Сказал, что тот интересовался «техниками усмирения строптивых духов». Продал ему репринт какого-то средневекового трактата. А потом… сам завёл разговор.

– О чём?

– О нас. Вернее, о «молодых специалистах, которые начали видеть слишком много». Сказал, что мир полон фильтров. Одни фильтры, как у Лобова, отсекают лишнее, чтобы не мешало работе. Другие… позволяют видеть суть, но требуют огромной внутренней дисциплины, чтобы не сойти с ума. И предложил… консультацию.

– Консультацию? – насторожилась я.

– Да. Не по книгам. По практике. Сказал: «Вашей подруге с зелёными глазами, наверное, уже снится клубок змей, который она пытается распутать, держа в каждой руке по ножницам. Это плохая стратегия. Иногда нужно просто найти голову». И дал визитку. – Макс протянул мне простую белую карточку. На ней – только имя «Игнат» и номер телефона, написанный от руки.

У меня перехватило дыхание. Клубок змей. Именно такой сон я видела прошлой ночью и никому не рассказывала, даже Максу.

Это было не совпадение. Это было послание. И демонстрация силы. Колыванов видел не только ауры. Он каким-то образом видел сны. Или читал намерения. Или…

Камень на моей ладони вдруг стал тёплым. Я взглянула на окно полуподвала. В тёмном стекле, как в зеркале, на миг отразилась не моя фигура, а силуэт высокого, худого человека, который смотрел прямо на меня. Потом отражение исчезло.

– Он нас видит, – прошептала я. – Прямо сейчас. Он знает, что мы здесь.

– И предлагает помощь, – добавил Макс, его голос был ровным, аналитическим. – Вопрос – какую цену? И не окажемся ли мы для него просто следующим… интересным активом после Лобова?

Мы медленно пошли прочь от особняка. Визитка в кармане жгла, как раскалённый уголёк. С одной стороны – потенциальный наставник, источник знаний, которого нам так не хватало. С другой – непонятная сила, которая уже вовлечена в игру с Лобовым и наблюдает за нами из тени.

– Что будем делать? – спросила я.

– Думать, – ответил Макс. – И готовиться. Потому что, получи мы эти знания или нет, Лобов своего не оставит. А Колыванов… он только что сделал первый ход. Теперь наша очередь решать, вступать ли в эту партию.

Дома мы положили визитку на стол. Она лежала, между нами, как граница. Граница между нашим самодеятельным, опасным поиском и возможностью выйти на новый уровень. Или попасть в новую, более изощрённую ловушку.

В ту ночь мне снова снились змеи. Но на этот раз кто-то невидимый держал факел, освещая клубок, и я ясно видела одну голову, самую большую. Она принадлежала не Лобову. Она была старой, покрытой узорами, похожими на буквы забытого алфавита. И её глаза были цвета старого золота. Как у старика в антикварной лавке.

Это был уже не просто сон. Это был вызов.

Глава 15: Условия игры

Визитка пролежала на столе три дня. Мы не трогали её, не обсуждали. Мы наблюдали. Как хищники, учуявшие новый, незнакомый запах. Эта пауза была необходима – чтобы отделить импульс от решения, а любопытство от трезвого расчёта.

Алла, узнав о встрече, прислала односложное сообщение: «Колыванов. Старая школа. Не наш, но не их. Играет в долгую. Будьте точны в формулировках». Геннадий Степанович, к нашему удивлению, отозвался голосом в общем чате, хриплым и медленным: «Его книги… не все для чтения. Некоторые – инструменты. А некоторые – клетки. Отличайте».

Давление со стороны Лобова затихло, но это затишье было обманчивым. Оно напоминало напряжение перед грозой. Как будто обе стороны – и Лобов, и Колыванов – замерли, ожидая нашего хода. Мы оказались в узле.

На четвертый день Макс первым нарушил молчание. Он подошёл к столу, взял визитку и положил передо мной.

– Мы не можем игнорировать. Игнорирование – это тоже ход. Пассивный и слабый. Он уже в игре. Мы либо принимаем его правила и пытаемся узнать свои козыри, либо отказываемся и становимся пешкой в его партии с Лобовым.

– Значит, звоним, – сказала я. – Но не мы. Я.

Макс хотел возразить, но я подняла руку.

– Он обратился ко «мне» через мой сон. Это личный вызов. И если это консультация по практике, то мой дар – ключевой. Ты будешь рядом. На расшифровке. И на подстраховке.

Мы подготовились как к сеансу, но не с клиентом, а с неведомым явлением. Зажгли нейтральную белую свечу, чтобы видеть искажения пламени. Положили, между нами, камень Гены, как якорь. Я набрала номер.

Трубку взяли после первого гудка.

– Маргарет, – произнёс спокойный, узнающий голос. В нём не было вопроса. – Я надеялся, что вы позвоните до пятницы. После начинается лунное затмение, разговоры будут сбиваться на шепот теней.

– Вы знали, что позвоню, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Я знал, что умный человек, увидев карту минного поля, захочет получить хоть какой-то план, прежде чем ступить на него. Вы – умные. Оба. Макс слушает нас сейчас, его внимание похоже на луч лазерного дальномера. Позовите его к аппарату. Условия будут для вас двоих.

Я, поражённая, перевела взгляд на Макса. Он, сжав губы, взял телефон, включив громкую связь.

– Я здесь.

– Отлично, – голос Колыванова звучал так, будто он сидел с нами за столом. – Вот мои условия. Никаких денег. Взамен – информация, необходимая вам для выживания и понимания того, с чем вы столкнулись. Моя плата – наблюдение. Я становлюсь вашим хронистом. За ваше согласие я получаю право фиксировать ваш уникальный опыт. Без искажений, без вмешательства. Как натуралист фиксирует повадки редких зверей. Всё, что вы узнаете, все ваши открытия, ошибки и победы – становятся частью архива. Моего архива.

– Архива? «Для чего?» —резко спросил Макс.

– Для памяти. Мир забывает свои странные углы. Я – нет. Вы – новый, неожиданный феномен. Тандем, рождённый не в лаборатории и не в секте, а в бытовой яви. Это бесценно. В остальном – вы свободны. Я не ваш учитель, не ваш покровитель. Я – документист. И в рамках этой роли… могу подсказать, где искать ответы на ваши вопросы. Например, как противостоять методу «инженера» Семёна. Или какова истинная структура «предприятия» Лобова.

Мы переглянулись. Условия были странными, почти абсурдными, но в них не было лжи. Была холодная, академическая жадность коллекционера. Он не хотел управлять нами. Он хотел изучить.

– А если мы откажемся? – спросила я.

– Тогда вы останетесь со своим минным полем и плохими снами. А я… буду документировать ваши действия со стороны. Как и всё остальное. Но это менее интересно. И вам – менее полезно.

В его голосе не было угрозы. Был лишь лёгкий оттенок сожаления учёного, упускающего уникальный образец.

– Нам нужно посовещаться, – сказал Макс.

– Конечно, – легко согласился Колыванов. – Но помните о затмении. Тени перед ним самые беспокойные. Они могут… подсказать Лобову, где искать. До связи.

Он положил трубку.

В комнате повисло молчание. Пламя свечи колыхалось ровно.

– Хронист, – произнёс Макс. – Он хочет сделать из нас живой дневник. Это унизительно.

– Это безопасно, – возразила я, улавливая иную грань. – Он не требует подчинения. Он требует прозрачности. В обмен на знания. Это сделка. Четкая. А в тёмном мире, куда мы вляпались, четкие сделки – редкость.

– А архив? Для чего ему этот архив на самом деле?

Вспомнились слова Гены: «Некоторые книги – клетки». А что, если архив – и есть такая книга? Ловушка для опыта, которая однажды может быть использована?

– Риск есть, – признала я. – Но без его информации мы рискуем больше. С Лобовым и Семёном мы не справимся одни. У нас нет методологии против насильственного подавления. Алла и Гена – поддержка, но не учителя.

Макс тяжело вздохнул, потирая переносицу. Я знала этот жест – он анализировал, взвешивал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Соглашаемся. Но с нашими условиями. Первое: мы сообщаем только то, что считаем нужным. Второе: он не имеет права направлять нас или давать задания. Только информация в ответ на конкретные вопросы. Третье: раз в неделю – очная встреча-отчёт, только в людном месте, на нашей территории. Он приносит «плату» – информацию. Мы – «платим» рассказом. Никаких скрытых записей, только то, что озвучено.

Я набрала номер снова и огласила наши условия. На том конце провода раздался тихий, сухой смешок.

– Осторожны. Педантичны. Хорошо. Принимаю. Место первой встречи?

– Чайная «У Белого Феникса», – сказала я, называла нейтральное, светлое место в центре, которое часто посещали. – Завтра, в полдень.

– Прекрасно. До завтра. И, Маргарет… спите спокойно. Змеиный клубок сегодня будет неподвижен. Я на время отвлёк его внимание.

Связь прервалась. В ту ночь мне действительно не снились змеи. Снилось, что я листаю огромный, кожаный фолиант. На его страницах двигались, как живые, не чернильные буквы, а тени и свет – сцены наших с Максом тренировок, наша диверсия на поле, мой первый сеанс с Алисой. Это был архив. И он уже начал писаться.

На следующее утро, перед выходом, я поймала себя на мысли, что чувствую не страх, а странное облегчение. У нас появился… ресурс. Сомнительный, опасный, но ресурс. Мы больше не слепые котята, тыкающиеся в темноте. У нас появился гид, пусть и с непонятными мотивами.

В «Белом Фениксе» Колыванов уже ждал за столиком у окна. В свете дня он выглядел ещё более обыденно – пожилой интеллигент в аккуратной тёмной водолазке, с умными, внимательными глазами. Перед ним стоял нераспечатанный бумажный конверт и два простых ключа на старом кольце.

– Садитесь, – кивнул он. – Чай уже заказан. Зелёный, нейтральный. Не волнуйтесь, здесь тихо, и чужие уши не услышат. Начнём с моего аванса.

Он подвинул ко мне конверт.

– Внутри – адрес и схема безопасного подхода к дому Семёна. Не к его квартире. К мастерской, где он хранит инструменты и… заряжает их. Там вы найдёте не только его «разрядники». Там вы найдете источник его силы. И его ахиллесову пяту. Это ответ на ваш неозвученный вопрос «как с ним бороться?».

Макс нахмурился.

– Почему вы просто не скажете?

– Потому что вы должны увидеть сами. Увидеть и понять разницу между грубой силой, взятой в аренду, и силой, которая рождается внутри. Это будет лучшим уроком. А эти ключи, – он дотронулся до металлических брелоков, – от двух ячеек в библиотеке им. Светлова. В них – копии трактатов по энергетической топографии и психоинженерии XIX века. Не мистика, а ранние, наивные, но точные попытки научного подхода к тому, что вы делаете инстинктивно. Они помогут вам структурировать ваш метод.

Он отпил чаю, давая нам впитать информацию.

– А теперь, – сказал он, и его взгляд стал острым, как скальпель, – моя плата. Расскажите. В деталях. О самом первом разе, когда вы вдвоём синхронизировались не для диагностики, а для активного действия. О том, что вы почувствовали, когда ваши воли слились в один импульс. Не опускайте «неважные» детали. В моём деле неважных деталей не бывает.

Мы начали рассказывать. О диверсии на поле. О том, как Макс сфокусировал волю, а я стала для него зеркалом и усилителем, как мы ощутили себя не двумя людьми, а единым инструментом. Колыванов слушал, не перебивая, лишь изредка делая пометки в маленьком, потертом блокноте. Его взгляд был жаден и беспристрастен одновременно.

Когда мы закончили, он отложил блокнот.

– Интересно. Симбиоз не на уровне энергетики, а на уровне когнитивных процессов. Макс создаёт чертёж действия, Маргарет наполняет его жизненной силой и интуитивной корректировкой. Не учитель и ученик. Не лидер и ведомый. Два оператора за одним пультом. Редко. Очень редко.

Он взглянул на нас.

– Ваш ход. Вопрос.

Мы договорились заранее. Первый вопрос должен быть главным.

– Кто стоит за Лобовым? – спросил Макс. – Конечный бенефициар?

Колыванов медленно улыбнулся, но в улыбке не было тепла.

– Не организация. Не человек. Это… тренд. Рыночная ниша. Существуют инвестиционные группы, которые специализируются на активах с «нестандартными рисками». Лобов

– их полевая рука, сканер и санитар. Он находит «больные» места – социально, энергетически. Они дают деньги и связи. Он «лечит» их варварскими методами вроде Семёна, повышая краткосрочную «ликвидность» места, убивая его долгосрочную душу. А они продают очищенный труп. Вы вмешались не в магический ритуал. Вы сорвали сделку на очень специфическом рынке. Вот почему реакция будет не мистической, а… корпоративной. Остерегайтесь не призраков. Остерегайтесь юристов, проверок и очень земных аварий.

Ледяная волна прокатилась по спине. Это было хуже, чем мы предполагали.

– Второй вопрос, – сказала я, чувствуя, как сжимается горло. – Почему вы помогаете нам им противостоять?

Колыванов откинулся на спинку стула, его пальцы сложились домиком.

– Потому что их метод – тупиковый. Он упрощает мир до грубых схем, уничтожает сложность, а с ней – и будущее. Мой архив – хранилище сложности. Вы – её носители. Сохраняя вас и изучая, я вкладываюсь в многообразие реальности. Это – мой долгосрочный проект. А их проект… краткосрочный и уродливый. Мне он не нравится как эстету. И как хронисту.

Он встал.

– На сегодня достаточно. Вы получили задание и инструменты. В следующий раз расскажете, что нашли в мастерской Семёна. И зададите новые вопросы. До встречи через неделю. И помните об условиях.

Он вышел, оставив на столе конверт и два холодных ключа. Мы сидели, ошеломлённые потоком информации, который менял всю картину мира.

– Мы не просто вступили в игру, – тихо произнёс Макс, беря ключи. – Мы только что получили карту и… миссию от одной из сторон.

– Не миссию, – поправила я, сжимая конверт с адресом. – Инструменты для выживания. И выбор. Идти ли в эту мастерскую.

Мы посмотрели друг на друга. Ответ был в наших глазах. Мы уже сделали выбор. Мы вступили. И теперь должны были играть по новым, сложным правилам, где знание было и оружием, и наградой, и самой большой опасностью.

Глава 16: Мастерская слесаря

Конверт лежал на столе, между нами, как неразорвавшаяся граната. Адрес был распечатан на обычном листе – промзона на окраине, улица Транспортная, гаражный кооператив «Восход». Ничего необычного. Но ключи от библиотечных ячеек жгли карман. Мы знали, что, прежде чем лезть в логово Семёна, нужно понять, что мы ищем. Что такое «сила, взятая в аренду»?

Библиотека имени Светлова была тихим, пыльным царством. Ячейки, к которым подошли ключи, оказались не в общем зале, а в закрытом фонде «местного краеведения». Библиотекарь, милая пожилая женщина, проводила нас в маленькую комнату с двумя коробками, запечатанными двадцать лет назад, судя по датам на пыльных картонных крышках. Колыванов сдержал слово. Это не были книги в привычном смысле.

В первой коробке лежали папки с отчётами некой «Комиссии по изучению аномальных атмосферных и геологических явлений при Геологоразведочном институте» конца 1970-х. Сухие, напечатанные на синей машинке листы, графики, карты с пометками. Но в них говорилось о «зонах локальной биополевой депрессии», о «точках структурного сопротивления материала», о «корреляции между историей места и частотой отказов техники». Это был язык, почти понятный Максу. Наивный протокол учёных, пытавшихся измерить то, во что не верили.

Вторая коробка оказалась тяжелее. Там лежали несколько толстых тетрадей в кожаном переплёте и странные предметы: медный циркуль с припаянной к одной ножке кварцевой линзой, деревянная рамка с натянутыми в определённом порядке разноцветными нитями, набор каменных кубиков с выцарапанными значками. И дневники. Дневники практика, который называл себя «полевым оператором».

Мы провели в библиотеке полдня, лихорадочно конспектируя. Картина вырисовывалась жуткая и логичная. «Полевой оператор» – возможно, предшественник Семёна – описывал технику «заземления аномалий». Не изгнания, не исцеления. Создания энергетического заземляющего контура, который, как громоотвод, отводил «напряжение» больного места в специально подготовленный «аккумулятор» – чаще всего в минерал с высокой плотностью или в… человека с подавленной волей. «Арендованная сила» – это чужая боль, чужая воля, чужая жизнь, законсервированная и использованная как батарейка для грубого насилия над реальностью. Семён был не колдуном. Он был жестоким инженером, работающим с украденной энергией.

– Его мастерская – это не алтарь, – сказал Макс, когда мы вышли на улицу, неся тяжесть новых знаний. – Это аккумуляторная станция. И наверняка хорошо охраняемая. Не людьми. Энергетическими ловушками.

Мы вернулись домой и стали готовиться. Не как воины, а как сапёры. Используя схемы из отчётов комиссии и заметки полевого оператора, мы собрали несколько «пробников»: Макс нарисовал на плотной бумаге схемы резонансных контуров, а я зарядила их намерением «выявлять чужеродные связи». Получились хлипкие, ненадёжные инструменты, но лучше у нас ничего не было.

Ночь на выезд мы выбрали безлунную и ветреную. Промзона «Восхода» в такое время была мёртвой зоной: длинные ряды одинаковых ржавых ворот, редкие фонари, воющие в проводах порывы ветра. По данным Колыванова, гараж Семёна был в самом конце, у забора, за которым начиналось заброшенное депо.

Мы оставили машину в километре и пошли пешком. Ветер выл, заглушая шаги. Макс шёл впереди, его восприятие было распахнуто настежь, сканируя пространство на предмет «разрывов» и «контуров». Я шла следом, держа в одной руке наш бумажный «пробник», а в другой – телефон с офлайн-картой.

Гараж № 178 ничем не отличался от других: серая плита, ржавый рулонный замок. Но по мере приближения я ощутила то же самое, что и на поле Лобова: давящую тишину. Ветер будто разбивался о невидимый купол. Воздух внутри этой зоны был мёртвым, спёртым.

– Охрана, – прошептал Макс, останавливаясь в десяти метрах. – Не электронная. Энергетическая. Вижу… сеть. Похожую на ту, что он строил на поле, но постоянную, впаянную в

металл ворот и стен. Любое живое существо с волевым импульсом, которое коснётся, получит обратный удар. Как от разряда.

Я подняла бумажный пробник. Он дрогнул в руке, и его края начали медленно, почти незаметно чернеть, как будто тлея изнутри.

– Он фиксирует связь. Сеть питается от чего-то внутри. От «аккумулятора».

– Надо найти вход, не тронув сеть, – сказал Макс. Он подошёл ближе, не касаясь ворот, и начал водить ладонью в сантиметре от ржавой поверхности, глаза полуприкрыты. – Здесь… петля. Есть слабое место. Не для входа, для выхода. Скорее всего, вентиляция. Сверху.

Крыша гаража была плоской. Мы, используя соседние гаражи как лестницу, забрались наверх. В центре действительно была решётка вентиляционного короба, приваренная намертво. Но Макс указал на небольшую трубу, отходящую в сторону. Санитарный сток? Она была перекрыта заглушкой, которая на вид была просто куском резины.

– Это и есть «слабое звено», – сказал он. – Физический выход для излишков статики. Энергетическая сеть его не охраняет. Но пролезть туда невозможно.

– А посмотреть? – Я достала из кармана эндоскоп – гибкую камеру на проводе, купленную накануне в строительном магазине. Идея казалась безумной, но в отсутствие волшебных зеркал – работающей.

Макс кивнул, заняв позицию, чтобы прикрыть меня с улицы. Я аккуратно отодвинула резиновую заглушку. Из отверстия пахнуло затхлостью, озоном и чем-то кислым, металлическим. Я просунула внутрь камеру, подключив её к телефону.

На экране поплыла темнота, затем, по мере продвижения, камера осветила пространство. Это был не гараж. Это была лаборатория безумного физика, скрещённая с тюремной камерой.

Стены были покрыты листами жести, на которых были начерчены мелом или чем-то чёрным сложные, угловатые схемы. С потолка свисали провода, сходясь к центру помещения. Там стоял не стол, а нечто вроде кресла из старых железных труб. И к нему были прикреплены наручники. Вокруг, на полках, стояли ряды стеклянных банок. В них плавало что-то тёмное, и от них шли тонкие проволочки к общей сети. «Аккумуляторы». Но больше всего нас поразило то, что висело на дальней стене.

Не инструменты. Фотографии. Десятки снимков, приколотые кнопками. Люди. Мужчины, женщины, даже подростки. На большинстве – пометки красным маркером и даты. И в самом центре – свежая, чёткая фотография, сделанная скрытой камерой. На ней были мы с Максом, выходящие из библиотеки имени Светлова сегодня днем.

Холодный ужас, острый и беззвучный, пронзил меня. Он не просто знал о нас. Он документировал нас. Собирал досье. Мы были для него не помехой, а… потенциальным ресурсом. Новым типом «аккумулятора».

Я резко выдернула камеру.

– Надо уходить. Сейчас же.

Мы сползли с крыши и почти бегом двинулись прочь от этого места. Только когда сели в машину и выехали на освещённую трассу, я смогла выдохнуть.

– Он собирает людей, Макс. Те банки… это не просто «сила места». Это что-то от людей. От тех, кто на фотографиях. И мы теперь в его коллекции.

– Колыванов знал, – сдавленно сказал Макс, сжимая руль до побеления костяшек. – Он знал, что мы там это увидим. Это и был «урок». Чтобы мы поняли, с кем имеем дело. Не с инженером. С хищником. Коллекционером живых душ.

Мы молчали до самого дома. Страх сменился ледяной, безоговорочной яростью. Теперь это была не абстрактная борьба с «темными силами». Это стало личным. Очень личным и очень смертельным.

Дома мы не стали ложиться. Макс разложил схему гаража по памяти, я описала каждую банку, каждую фотографию. Мы знали, что обязаны это сделать. Для архива Колыванова? Нет. Для себя. Чтобы память о том, что мы увидели, не стерлась. Чтобы понять, как разрядить эту ужасную батарею и освободить то, что в ней заточено.

Первые лучи утра застали нас за столом, покрытым бумагами и набросками. Страх отступил, оставив после себя решимость, твердую, как сталь.

– Мы не можем позволить этому продолжаться, – тихо сказала я.

– Не можем, – согласился Макс. – Но мы не можем и вломиться туда с кулаками. Его энергетическая сеть сожжёт нас. Нам нужно оружие. Не физическое. Концептуальное. То, что разорвёт его контур и освободит то, что он накопил.

Он посмотрел на зарисовки схем со стен мастерской.

– Нам нужно найти его источник. Не аккумуляторы. Источник его знаний. Или его слабость. Тот первый «заём», с которого всё началось.

Внезапно я вспомнила одну из фотографий на стене. Не свежую. Старую, пожелтевшую. На ней был молодой, суровый парень в рабочей спецовке, стоящий на фоне какого-то огромного, мрачного здания. Что-то в его глазах… было знакомо. Это был Семён. Но не сегодняшний. Тот, каким он был до того, как стал «инженером». Возможно, ключ лежал не в его настоящем, а в его прошлом. И мы должны были его найти, прежде чем он решил, что мы созрели для того, чтобы пополнить его коллекцию в одной из стеклянных банок.

Новая цель была ясна и ужасна. Мы должны были охотиться на охотника. И у нас было только одно преимущество: он пока что считал нас просто интересными образцами, а не равными противниками.

Это была ошибка, которую мы были намерены сделать для него фатальной.

Глава 17: Первый аккумулятор

Наши дни приобрели ритмичную, почти маниакальную напряжённость. Утро начиналось с библиотечных ящиков Колыванова – мы изучали дневники «полевого оператора», выискивая хоть намёк на происхождение метода, на слабое звено в его жёсткой логике. Затем – тренировки. Но теперь мы не просто синхронизировались. Мы пытались смоделировать обратный процесс. Если Семён заземлял и воровал, мы пробовали создать импульс отдачи, короткое

замыкание в обратную сторону. Получалось плохо. Мы чувствовали себя детьми, пытающимися сломать танк голыми руками.

Юля, наша архивариус из «Тихого Логова», стала нашим цифровым скальпелем. Передав ей старую фотографию Семёна (набросанную по памяти мною), мы попросили найти всё, что возможно. Она работала молча, отвечая лишь односложными сообщениями: «Проверяю», «Есть зацепка».

Через два дня пришёл ответ, холодный и неопровержимый, как надгробная плита: «Семён Игнатьевич Гордеев. 1974 г.р. Уроженец села Заречное. В 1992 году призван в армию. Служил в в/ч 44125, спецподразделение по охране объектов особого режима. Объект – заброшенная шахта «Глубокая-2», в 50-х годах переоборудованная под склад химреактивов, затем законсервирована. В 1993 году на объекте произошёл неучтённый инцидент (в документах – «учения»). Гордеев был комиссован по состоянию здоровья. Диагноз – «астенический синдром, вегетативные нарушения». После – сменил несколько работ, судимостей нет. В 2001 году устроился слесарем-ремонтником в гаражный кооператив «Восход». С 2005 года – владелец гаража №178».

Шахта «Глубокая-2». Место, где что-то произошло. Место, где молодой солдат Гордеев перестал быть просто человеком и стал чем-то иным.

– Это и есть его первый «заём», – сказал Макс, уставившись на экран. – Не человек. Место. Оно его сломало… и дало ему инструмент.

– Или он что-то там нашёл, – добавила я. – Технологию. Или… существо. И заключил сделку.

Алла, когда мы поделились с ней находкой, долго молчала.

– «Глубокая-2» … Слышала шепотки. Место нехорошее ещё с войны. Туда свозили трофейное оборудование странного свойства. Потом – химию. А в 90-е… там пытались что-то приватизировать, но все покупатели либо сходили с ума, либо разорялись. Говорят, земля там «не принимает» ничего живого. Если он притащил оттуда свою «науку» … это плохие новости. Это не местная боль. Это что-то импортное, чужеродное.

Мы должны были увидеть это место. Не для того, чтобы лезть внутрь. Чтобы почувствовать. Понять природу яда, чтобы найти противоядие.

Дорога заняла полдня. Село Заречное вымерло, дома стояли с пустыми глазницами окон. Шахта располагалась в трёх километрах, в сосновом бору, который по мере приближения редел, а деревья становились кривыми, скрюченными, как в агонии.

Мы остановились на опушке, за несколько сотен метров от кованых, проржавевших насквозь ворот с колючей проволокой. Даже отсюда было видно – место мертво. Не просто заброшено. Оно было выжжено изнутри. Ни птиц, ни насекомых. Тишина стояла абсолютная, гнетущая.

– Не разлом, – тихо сказал Макс, выйдя из машины. Его лицо было бледным. – Это… шрам. Наложенный поверх разлома. Кто-то или что-то здесь когда-то пыталось «зашить» дыру. Криво, грубо, без понимания. И эта «заплатка» сама стала язвой. Она не залечивает. Она отравляет.

Я закрыла глаза, пытаясь уловить эмоциональный фон. И отпрянула. Это была не боль, не страх. Это была… пустота. Абсолютная, всепоглощающая пустота, которая высасывала любое чувство, любую мысль, оставляя лишь холодный, безжизненный вакуум. Именно это я чувствовала вокруг гаража Семёна, но здесь это было в тысячу раз сильнее.

– Он не черпает силу из этого места, – прошептала я, открывая глаза. – Он черпает… метод. Принцип этой пустоты. Он научился у этого шрама, как делать маленькие, управляемые копии. Как создавать локальные зоны небытия и использовать их как пылесос, чтобы высасывать энергию из всего живого.

– Значит, его слабость… – начал Макс.

– … в том, что он лишь подражатель, – закончила я. – У него нет своего источника. Он – паразит на теле этой старой раны. И если мы найдём способ… не залечить эту рану (это нам не по силам), а временно «оживить» её края, дать им вспомнить, что такое жизнь и боль…

– …то его копии, его сети, могут получить обратную связь, – догадался Макс. – Его инструменты сломаются, потому что они созданы для работы с мёртвым. А мы вольём в систему живое. Перегрузка.

Это была теория. Хрупкая, опасная. Но это было первое, что напоминало план, а не отчаянную попытку обороны.

Мы вернулись в город в мрачном, но сосредоточенном молчании. Теперь у нас была гипотеза. Но для её проверки нужен был эксперимент. Маленький, контролируемый. И объект для него был очевиден – гараж Семёна. Точнее, его периметр.

Взять живое, чистое и направить его импульс в мёртвую сеть. Что могло быть живее и чище, чем неиспорченная, естественная радость? Или, в нашем случае, её суррогат.

Идея была до смешного проста и опасно наивна. Мы купили в зоомагазине двух молодых, здоровых сирийских хомяков – клубочки искренней, простой жизненной силы. Гена дал нам крошечные, гладкие камешки-проводники, которые можно было прикрепить к ним без вреда. Наш план был не в том, чтобы отправить хомяков на смерть, а в том, чтобы использовать их как живые батарейки для одного, точечного импульса.

Ночью мы снова были у гаража №178. На сей раз мы подкрались с другой стороны, где, по схеме Макса, сходились два энергетических «провода» сети. Макс, держа в руках одного хомяка (животное спокойно дремало в его согревающих ладонях), сконцентрировался на точке соединения. Я положила руки ему на плечи, становясь усилителем и стабилизатором.

– Сейчас, – прошептал он.

Мы представили не взрыв, не удар. Мы представили тёплый, золотистый, пульсирующий шар жизни – такой, каким видели энергетическое поле здорового, счастливого ребёнка. И мягко, но неотступно, вкатили этот мысленный образ в холодную, безжизненную точку сети.

Эффект был мгновенным и не таким, как мы ожидали.

Сеть не вспыхнула и не погасла. Она… вздрогнула. Как организм, в который влили несовместимую кровь. На металлической поверхности ворот на секунду проступил жутковатый узор – не нарисованный, а как будто проступивший изнутри ржавчины, похожий на тлеющие угли. Послышался не звук, а ощущение – высокий, визжащий писк на грани слуха, от которого зашевелились волосы. Оба хомяка в наших руках встревоженно заерзали.

И где-то внутри гаража, в самой его глубине, что-то зазвенело. Хрупко, тонко, как бьющееся стекло.

Мы отшатнулись, прервав контакт. Узор на воротах погас, пик прекратился. Но в воздухе осталась вибрация – недоумённая, раздражённая. Мы потревожили спящего зверя в его логове. И он на мгновение открыл один глаз.

– Работает, – выдохнул Макс, быстро и бережно убирая хомяков в переноску. – Сеть отвергла импульс. Она не может его переварить. Но этого мало. Нужен не укол, а… переливание. Постоянный поток.

– И источник побольше хомяков, – мрачно добавила я, чувствуя, как дрожат руки. – И безопасное расстояние. Потому что когда он поймёт, что происходит…

Мы не договорили. По дороге домой я проверяла рацию – не замолчала ли Алла, не вышел ли из строя наш простенький охранный комплекс. Пока тихо. Но это затишье было обманчивым. Мы тронули систему. И система, построенная на отклике и подавлении, неизбежно должна была среагировать. Вопрос был – как скоро и в какой форме.

На пороге нашей квартиры нас ждал маленький, неприметный пакет. Без маркировки, без записки. Внутри лежала стальная, холодная на ощупь пластина, размером с ладонь. На ней был вытравлен тот самый угловатый узор, что мы видели на воротах. И больше ничего.

Это был не подарок. Это была визитная карточка. И вызов.

Семён знал, что мы здесь. И теперь он знал, что мы не просто наблюдатели.

Глава 18: Встречное предложение

Стальная пластина с вытравленным узором лежала на столе, холодным пятном отчуждения среди наших бумаг и схем. Это был не просто знак. Это был пробный шар, кончик щупальца, протянутый из темноты.

Мы молча созерцали её, пытаясь понять послание. Угроза? Приглашение к диалогу? Или метка, как тавро на скотобойне?

– Он не стал нападать, – заметил Макс, не отрывая взгляда от узора. – Он прислал предмет. Материальный, тяжёлый. Значит, коммуницировать он предпочитает не на нашем «энергетическом» языке, а на своём – языке инженерных артефактов. Он говорит: «Я вижу ваш интерес. Вот образец моего шифра. Расшифруйте».

– Или: «Вот образец моей власти. Примите», – добавила я.

Мы решили не трогать пластину голыми руками. Гена, к которому мы обратились, взяв её в толстые рукавицы, осмотрел её через увеличительное стекло, пошептался со своими при-

борами и вынес вердикт: «Пустая форма. Носитель, но не источник. Как гильза после выстрела. Энергетический отпечаток на ней есть – холодный, статичный, чуждый. Но активной угрозы нет. Это… послание в бутылке. Для тех, кто понимает язык волн».

На следующий день звонок раздался на городской номер, который мы использовали для контактов с «Тихим Логовом» и который, как мы думали, был относительно чистым. Голос на том конце был ровным, безэмоциональным, металлическим – будто его пропустили через частотный фильтр.

– Пластина получена. Реакция зафиксирована. Вы проявляете нестандартный подход. Не подавление, а… индукция. Интересно.

Это был Семён. Или его голограмма. Или запись.

Сердце ушло в пятки, но голос Макса прозвучал спокойно и чётко. Он взял на себя роль переговорщика.

– Ваш метод деструктивен. Мы ищем альтернативные решения.

– Деструктивен для текущей конфигурации системы, – поправил голос. – Эффективен для её перезагрузки. Вы вмешались в рабочий процесс. Внесение неучтённого переменного фактора. Это требует либо элиминации фактора, либо его интеграции.

В его словах не было злобы. Была холодная логика технократа, столкнувшегося с помехой.

– Интеграция? – переспросил я, поймав взгляд Макса.

– Вы – аномалия. Самоорганизующийся тандем. Мои источники не самоорганизуются. Они потребляются. Вы – потенциально новый тип инструмента. Более гибкий. Предлагаю обмен данными. Вы прекращаете деструктивные вмешательства. Я предоставляю вам доступ к выборочным схемам первичной сети. Для изучения. В обмен на отчёты о ваших… когнитивных и энергетических процессах в момент синхронизации.

Предложение было леденящим душу в своей бездушной ясности. Он хотел превратить нас из мишени в подопытных кроликов. В живой журнал наблюдений, более продвинутый, чем архив Колыванова. Колыванов хотел документировать историю. Семён хотел получить чертежи для копирования.

– А если мы откажемся? – спросил Макс.

– Тогда вы останетесь неучтённым дефектом в зоне операционной деятельности. Дефекты устраняются. Сейчас мои ресурсы сосредоточены на другом проекте. У вас есть семьдесят два часа на принятие решения. Канал связи будет открыт. Ожидаю ваши параметры для передачи данных.

Связь прервалась.

В квартире повисла тяжёлая тишина. Он не просто давил. Он предлагал сделку. Самую опасную сделку из возможных.

– Он блефует? – спросила я. – «Другой проект»… это Лобов?

– Скорее всего, – кивнул Макс. – Наш саботаж на поле заставил его искать более радикальное решение для Лобова. Или Лобов требует результатов. И пока Семён занят этим, он хочет обезопасить тыл – нас. Купить нас временным перемирием и доступом к «игрушкам».

– Которые на самом деле будут маячками, – добавила я. – Как только он разберётся с Лобовым, он использует эти «схемы», чтобы выжечь нас изнутри. Это ловушка.

– Да, – согласился Макс. – Но ловушка, в которую мы можем… внести свои коррективы. Если сыграем.

Мы понимали, что отказ – это немедленная, тотальная война на два фронта (Лобов и Семён), к которой мы не готовы. Согласие – это медленный яд, отсроченная смерть. Но был третий путь. Принять предложение, но вести свою игру. Использовать его «данные» не для того, чтобы раскрывать себя, а чтобы изучать его. Искать в предоставленных схемах его же слабые места, его «первичный код», привязанный к шахте «Глубокая-2».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.